

НОВЫЕ РУССКИЕ ТЁТКИ

Цена в рубль
договорная
За рубежом
\$500

**Девушки,
я напоминаю
вам Софи
Лорен?**

**Отдай
долг,
сволочь!**

Маргарита Южина

**Парад
нескромных
декольте**

**Кто хочет,
тот и раздевает!**

СУПЕРБЕСТСЕЛЛЕР

Маргарита Южина

Парад нескромных декольте

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161167
Южина М. Парад нескромных декольте: Эксмо; М.; 2006
ISBN 5-699-14052-2

Аннотация

И снова скандал в благородном семействе Распузонов! Сватья Ирина, кажется, сошла с ума. Дама глубоко пост-бальзаковского возраста собралась замуж. Но вместо того, чтобы в компании родственников готовиться к свадьбе, она... намазала кетчупом дверь квартиры, сгордила из мебели баррикады, подобрала кошелек с долларами. А потом и вовсе учудила: на глазах изумленной публики застрелила своего жениха! Позор! Преступников среди Распузонов не было – наоборот, одни сыщики! Оставив уроки танца живота, Клавдия вместе с мужем Акакием принимается отчищать запятнанное имя семьи. И первым делом домашние сыщики узнают следующее: в жениха стреляла вовсе не Ирина!..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	54
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Маргарита ЮЖИНА

ПАРАД НЕСКРОМНЫХ ДЕКОЛЬТЕ

Глава 1

Грубость с пушистым хвостом

Клавдия Сидоровна Распузон втиснулась в маленький переполненный автобус, поправила горжетку и устремила к переднему сиденью.

– Красавец, уступи даме местечко... – уверенно дернула она паренька за плечо.

«Красавец» куражился и уступать не хотел, однако и дама была не из робкого десятка. Видя, что согнать парнишку с места никак не удастся, она попросту уместилась к нему на колени.

– Вы... что вы себе позволяете?! Блин... Старухи оборзели совсем! – завопил тот и выскользнул из-под тучной женщины.

Клавдия молча уселась поудобнее и уставилась в окошко. Вот ведь молодежь пошла... Ну никакого уважения к почтенным дамам! Нет, не к почтенным, просто к дамам. Клав-

дия глубоко вздохнула и нахмурила лоб. Она думала. Вчера соседка сагитировала ее брать уроки танца живота. Клавдия Сидоровна страсть как возжелала научиться его плясать, однако оплату надо было внести вперед за полгода. Таких денег у «просто дамы» пока не было, и она ехала к состоятельной подруге в надежде их одолжить.

– Золото, украшения, драгоценности, деньги, быстро сюда кидаем!!! Кто шевельнется – пуля в башку гарантирована! – раздался над ней противный голос. – Все сюда! В эту сумку! Эй, бабка, давай снимай своего песца!

Только сейчас Клавдия Сидоровна сообразила, что автобус стоит посреди заснеженной дороги и поедет еще, как видно, не скоро, потому что два бравых молодца в черных шапочках до подбородка, с дырками вместо глаз, увлеченно срывают с пассажиров кольца и сережки, а третий их товарищ бдительно следит за водителем – даже пистолет к виску приставил.

– Я чо сказал?! Песца сняла быстро! – обратился низкорослый паренек из черношапочников явно к Клавдии. Секунду подождал и вовсе рассердился, рванул мех и запричитал: – Ну как тяжело работать! Ну, никакого страху у народа! Уже и на пистолет разорились, а понимания – ноль. Каждая старуха из себя корчит...

Договорить паренек не успел – очень обидел он Клавдию Сидоровну «старухой».

– Ах ты ж блоха! Прыгает он тут! Это я-то старуха?! Да

я... я еще молоденькой была, когда ты пешком под стол бежал, суслик! Песца моего захотел, сопляк? А кольцо в брюхо и кулак в ухо... не хочешь?! Дрянь такая!

Дама удобно ухватила неудачливого грабителя за грудки и теперь мотала его по всему салону.

– Женщина! Вы ж ему голову оторвали! – вскрикнула какая-то сердобольная бабенка. – Вон глядите-ка, он уж задыхается!

– Задохнется он, жди! – сорвала Клавдия Сидоровна с грабителя шапку.

Тот выпучил на нее черные испуганные глаза и от возмущения затряс губами:

– Не, ну шапку-то надень, я ж с тебя шапку не срывал!

Сотоварищи бедолаги не были готовы к такому конфузу, поэтому стусевались. Парень с пистолетом отвлекся, водитель дураком не оказался – резко выдернул у нападавшего оружие и теперь браво им размахивал и орал громче Клавдии:

– Все! Все на пол!! Всем лежать, говорю!

Пока пассажиры послушно устраивались в проходе, тройка бандитов лихо вырвалась из салона, резво юркнула в свою машину, и через минуту их на дороге уже не было. Только минут через пять люди стали подниматься с пола.

– И чего это вы, гражданин водитель, пол в автобусе не моете? На такую грязь падать приходится! – ворчали возмущенные граждане.

– Да уберите пистолет куда-нибудь! Прямо машет тут еще...

– Юноша, а на кой ляд вы нас-то уложили?

– Это чтобы впопыхах кого пулей шальной не ударить...

Клавдия сокрушенно молчала – с нее сдернули-таки песка, не уберегла. И не столько было жалко невовую уже горжетку, сколько было обидно – ну что ж такое в самом деле! Кто хочет, тот и раздевает!

Дальше без натурального песка в искусственной шубейке ехать было к приятельнице никак не возможно. Пусть на улице слабое подобие весны, однако ж с таким разбитым настроением никаких танцев не получится. И Клавдия не раздумывая повернула обратно.

Домой Клавдия Сидоровна Распузон ворвалась гневная и решительная. На маленькой светлой кухне сидел ее законный супруг Акакий Игоревич и томно любезничал с неизвестной женщиной. Женщина сидела спиной к Клавдии, старательно смеялась и угощала здорового распузоновского кота Тимку сушеными скрюченными кальмарами – по четыре рубля пакетик.

– Акакий! – взревела Клавдия Сидоровна. – Пока ты тут кошек кормишь, охальники покусились на честь твоей жены! Кака, ты их должен найти и примерно наказать!

– Господи, Клавочка, неужели в самом деле на тебя кто-то позарился? Ой, я хотел сказать, и у кого только рука под-

нялась?!

– Хи-хи, в таких случаях не рука поднимается, – хихикнула гостя и повернулась.

Клавдия облегченно вздохнула – за столом сидела Ирина Адамовна, мать Лилечки. А поскольку Лилечка являлась законной супругой старшего сына Распузонова Данила, то Ирина им приходилась, что называется, сватьей. Сватья успешно разводила кроликов, погрязла в прибыльном бизнесе и в гостях бывала редко.

– Здравствуй, Ирина, сто лет тебя не видела, – уселась за стол Клавдия. – Говорят, ты в делах вся... Как телевидение? Не беспокоит?

Кажется, еще летом Ирина участвовала в какой-то интеллектуальной телеигре – то ли кроссворды отгадывала, то ли песни пела, что-то в этом роде. Никакого приза она, конечно, не получила, потому как проиграла в самом же начале, но пару минут на экране светилась. И даже успела крикнуть: «Кроличьи шубы – это наша экономическая программа!» Потом ее задвинули на дальний план, однако пообещали вызвать для следующей игры. И вот теперь прошло столько времени, а вызывать ее никто никуда не торопился. Но Ирина ждала. И всякий разговор про телевизионщиков был для нее прямо-таки бальзамом.

– Телевидение? Ой, Клавдия! Вот ты меня понимаешь! Но... – охотно откликнулась Ирина, – пока я вся в кролах! Договоры, переговоры... Опять же уровень повышаю. Пока

с солидными людьми связи заворачивала, чуть кролик-производитель не сдох. Кручусь, как собака за блохой!

– Клавочка, так что там с честью-то? – не мог успокоиться супруг.

Он, в отличие от жены, имел не столь солидную фигуру. Росточком тоже не вышел, мог похвастаться только блестящей лысиной и, как ему казалось, интеллигентностью. Поэтому его серьезно волновало, как это он найдет охальников, а тем паче – примерно их накажет.

– Клавочка, пусть тебе будет неловко, но мы должны знать подробности! Я как законный супруг требую! Кто это над тобой надругался?

– Не надо мной, – затолкнула Клавдия в рот кусок пирога. – Не надо мной, а над моей горжеткой. Вот так взяли и сдернули! Звери! Просто нелюди! И это все в автобусе! Кака, тебе придется их найти.

Кака как-то загрустил и решил перевести разговор в более мирное русло.

– Ириночка, ну и как ваши кролики? Все плодятся? А вы? Я имею в виду – процветаете? Наслышаны, наслышаны...

Ирина Адамовна по паспорту имела сорок три года, но в корне была с этим не согласна. Она яростно претендовала на тридцатилетие, а потому молодилась как могла. Ирина Адамовна красила волосы в цвет укропа, заказывала себе коротюшенькие юбочки или вот такие штаны, как сейчас на ней – узкие, в кривую полоску. А еще она обязательно покрывала

себя каким-нибудь шелковистым платком с кистями, размером с лошадиные хвосты и каждые три дня усиленно голодала. Вряд ли кому могло теперь прийти в голову, что около сорока лет эта дама влачила в селе, засаживала овощами огород и доила единственную корову. После того как ее дети – старший сын Гаврила и младшая дочка Лилечка выпорхнули из деревенских угодий, Ирина Адамовна внезапно решила пожить для себя, так сказать, на широкую ногу. Однако денег для широкой ноги катастрофически не хватало, и тогда Ирина стала разводить кроликов. Дело у нее пошло – кролики плодились, размножаясь со страшной скоростью, Ирина сдавала их предпринимателям, те шили недорогие детские шубки, и в кошельке новоявленной бизнесменши стали позвякивать и даже шуршать деньги. Вскоре и сама Ирина Адамовна открыла пошивочный цех. Зять Данил, видный бизнесмен, выделил для того начальный капитал, и вскоре труды Ирины Адамовны окупились сторицей. Она даже переехала в город, а к своим кроликам приставила специально нанятых людей, коих регулярно ездила проверять на своей машине. И хоть нрава Ирина была легкомысленного, к делу она относилась с железной ответственностью.

– А я ведь к Данилу. Клава, ты не думай, что я на Акакия позарилась, я к Данилу! – принялась вдруг объяснять Ирина.

– Она, Клавочка, шутит, – кривлялся Акакий. – Мы славно поладили! Я делал ей комплименты!

– Кака! Не мешай дамам секретничать! – зыркнула на него Клавдия. – Ирина, зачем тебе Даня-то?

– Тут возвращаюсь как-то домой, еще не поздно было, к двери подхожу, а там прям кровью так написано – «Отдай долг, сволочь!». Прямо страсти такие! Все двери испоганены! Ну потом-то выяснилось, что это и не кровь вовсе была, а кетчуп «Доброго здоровья», но я все равно решила, надо Даня-то долг отдать, раз он так нервничает.

– А с чего ты взяла, что это Даня написал? – возмутилась Клавдия Сидоровна. – Была нужда ему кетчупом пачкаться, у него паркер есть. А специально для дверей он бы маркер купил. Придумала тоже – Данил ей угрожает!

– А кто же? Кроме Данила, я никому не должна. Ах ладно, стоит ли об этом! Вот приехала деньги отдать, а его с Лилечкой дома нет. Я подумала, может, вы знаете, где они?

– Я знаю, я! – встрепенулся Акакий Игоревич. – У них путевка, отдохнуть решили. Даня Лилечке захотел Испанию показать.

– Испанию? Вот уж замечательно! Я все время тоже хочу что-нибудь посмотреть! Конечно, хотелось бы Тулу, там говорят, самовары какие-то особенные, но, на худой конец, можно и Испанию!

– Посмотришь еще, – успокоила ее Клавдия. – Ты лучше скажи – когда ты надпись на дверях увидела?

Ирина повела себя несерьезно. Она, конечно, знала, что младшая дочка Распузонов Анечка трудится в доблестной

милиции, но выносить какие-то там подробности на всеобщий суд не собиралась. Женщина по-хозяйски налила себе из чайника кипятка, плюхнула в чашку добрую половину сахарницы и защебетала:

– Ах, ну чего уж там, такая мелочь – надпись! Конечно, после таких слов и в самом деле чувствуешь себя немного сволочью, ну да я всегда подозревала, что Данечка не пылает ко мне сыновней любовью. Давайте забудем! Клавдия, а что у вас чайник такой крохотный? Почему бы вам не купить самовар? Слушайте, у меня отчего-то проснулась к ним необъяснимая любовь!

– Это вас родные корни назад тянут, – мило улыбался Акакий. – Обратно в деревню, стало быть...

– Фиг! Мне здесь, в городе, больше нравится, – фыркнула родственница.

– Ирина, так что там с дверью-то? Ты мне про надпись расскажи, чего ты в самовары ударилась? Ты почему на Данию подумала? Я тебе говорю, вспомни – когда? – настаивала Клавдия.

– Ириночка, ну что вам, трудно припомнить? – извивался ужом Акакий Игоревич. – Клавдия Сидоровна вам добра желает. Лучше скажите, она все равно не отвяжется.

Ирина снова легкомысленно отмахнулась, но потом все же сказала:

– Сегодня у нас какое число? Двадцатое февраля. А дверь измазали позавчера, значит, восемнадцатого! – радостно

вспомнила она.

– Ну вот! – осадила ее Клавдия. – А наши пятнадцатого улетели! Даня хотел дочери твоей на Восьмое марта подарок сделать. Так что никак не мог он тебе такую ересь написать. Еще, главное, на нашего сына наговаривает...

Ирина замахала руками и крашеной головой:

– Все-все, давайте об этом забудем! Акакий Игоревич, а я ведь с подарками к вам. Господи, закрутилась и забыла со- всем! – вскочила гостья.

Но увильнуть ей не удалось – Клавдия мощной рукой сно- ва пригвоздила ее к стулу.

– Ирина, не юли. Рассказывай давай, кроме тебя, в твоём доме больше никакая сволочь не проживает? Я имею в виду, больше никому это написать не могли? Только не лги мне!

У Ирины Адамовны с переездом в город началась бурная пора цветения, и периодически она связывала свою судьбу то с одним, то с другим прекрасным мужчиной. Всерьёз, навечно, страстно и пылко. Правда, через неделю оказывалось, что мужчина был не такой уж прекрасный, попадались либо женатые, либо алкоголики-ветераны, либо трутни. Серьёзной связи с ними не получалось, и женщина кидалась на новые поиски. Таким образом в своей городской квартире в одиночестве она проживала крайне редко и очень непродолжительное время. Поэтому вопрос Клавдии ей несколько не понравился.

– Ир, чего молчишь-то? Опять небось какого прощельгу

приютила? Вот ему и пишут...

– И чего это сразу если приютила, то сразу и прощелыгу?! – поднялась во весь рост Ирина Адамовна и уперла кулачки в пояс. – Да, и приютила!

– Вот я же говорю! А еще на нашего Даню наговаривает! – хлопала себя по бокам в ответ Клавдия. – Ну и чего тут думать?!

– Ириночка, а мне бы хотелось узнать – кто у вас осел на этот раз? – ревниво прищурился Акакий. – Опять житель Крайнего Севера? Помнится, жил у вас такой, потом полтундры к вам в квартиру перевез. Все прописаться мечтал. Вы тогда очень нервничали! Или теперь южные регионы охватили?

– Южные еще не охватывала. У меня же не двадцать рук!

– Вот-вот, тащишь в дом все, что под руку попадет, а потом удивляешься – откуда такие надписи берутся, – проворчала Клавдия. – Ну и какой негодяй у тебя нынче в мужьях?

– С чего это вы взяли, что он негодяй? У Ивана Павловича ни одного недостатка нет! Пока. Сплошные достоинства! Бизнесмен – раз! Меня любит – два! А я с ним, между прочим, уже седьмой месяц. Только и слышу от него: «Ирочка, какой замечательный лангет! Ириша, какая дивная жареная утка, неужели сама приготовила? Ируся, ты кудесница! Это поэма, а не борщ». За мной еще никто так долго не ухаживал!

– Ирочка, не переживай, за мной тоже, – успокоила Клав-

дия.

– Ну вот! А Иван Павлович – это... это просто сокровище! Правда, он еще не разведен, но... но уже и не женат. У него даже алиментов нет. А магазин есть. И не один. Несколько магазинов. Правда, маленьких. Ларечков таких.

– И где же пасутся такие бриллианты? – всплеснула руками Клавдия. – Скажи мне, Ирочка! Где ты оторвала этот сувенир судьбы?

– Клавдия, сейчас расскажу – ты погибнешь! Сплошная ро-ман-ти-ка! – поиграла пальчиками Ирина. – Представь: еду я с телевидения... Ну ты можешь себе представить, как я выглядела. Прическа такая, тут так глазки покрашены, губы я тогда «розовыми грезами» намазала. В общем, выглядела... У меня есть крольчиха молоденькая, беленькая такая, пушистая, вот я – вылитая она была тогда! Подхожу к своей колымаге, красиво так открываю дверцу, а мотор, зараза, не заводится!

– Так, может, бензин кончился? – встрял Акакий.

– Да черт его знает. Короче, урчу двигателем, результата – ноль. И тут подходит та-акой мушщина! Здесь так, тут во, а там... – Ирина начала сопровождать свои слова жестами. – В общем, Клавочка, ты бы свихнулась! Ну и говорит: «Довезите меня до дома». А сам, представь, хмурится, вроде как и не ухаживает. Ну я же не дура, правильно? Я сразу машину завела...

– Так ты говорила – она не заводилась, – не понял Акакий.

– Ой, ну Акакий Игоревич! Ну молчите уже! Я же мужчину этого еще на улице заметила. Он такой одино-о-окий стоял, гру-у-устный, будто его премии лишили. Ну а тут он ко мне и подошел!

– И чего? – загорелись глаза у Клавдии. – К тебе поехали?

– А куда? Эх-х! Не повезу же я его и правда домой! А там... Клавдия, здесь ты мне помогла!

– Вот! А я еще думал, куда ты, Клавдия, мотаешься! Как ужин готовить, так нет ее, а как помогать чужих мужиков привораживать... – заворчал на жену Акакий.

Клавдия только хлопала глазами и глупо улыбалась.

– Я все думала – отчего Акакий столько лет с тобой мается? – рассуждала Ирина. – Ведь, честно сказать, и характер у тебя, как у паучихи, и веса в тебе, как в говяжьей туше, и страшнющая... Я в хорошем смысле этого слова. А берешь ты, Клавочка, своим поварским искусством! Да, хозяйка из тебя золотая.

– Ну а как же... – довольно запыхтела Клавдия.

– Вот и я так же. Как давай этого мужика... его Иваном в детстве называли... как давай этого Ивана обихаживать... И ведь уже полгода со мной!

– Полгода! А чего раньше про него не рассказывала?

– Да он сначала не часто приходил, а вот теперь... Теперь в жены меня брать хочет. Да и когда мы с вами виделись-то в последний раз! «Чего не рассказываешь...» Я же говорю – сокровище нашла, нет чтобы порадоваться за меня по-род-

ственному...

– Настоящих сокровищ без алиментов не бывает! Либо врет, либо старый! – выкрикнул Акакий Игоревич. – А уж тем более, если он магазин имеет! И вообще, еще надо посмотреть, что это за мужик, если на него еще ни одна баба не клюнула!

– При чем тут клюнула! – не сдавалась Ирина Адамовна. – «Клюнула»... Можно подумать, он ячмень или овес какой! Да знаете, сколько надо трудов, чтобы его приворожить? А удержать? Я даже на гидроаэробiku записалась! Каждый день в воде вот так ногами – эть! Вся поясница оторвалась уже! А вы – «клюнула»!

Тут здравый рассудок Клавдии Сидоровны снова дал сбой и уступил место денежному расчету.

– Ирина, я знаю, что тебе надо. Поверь мне – ты своего Ивана не удержишь. Если он серьезный мужчина, вряд ли у тебя надолго задержится. И не дуй губы! Вот скажи – ты умеешь танцевать животом?

Ирина, вероятно, решила продемонстрировать свои природные таланты и принялась ретиво крутить узенькими штанами. Акакий Игоревич радостно принялся прихлопывать, поддерживая робкие начинания гостыи.

– Кака! Ты еще сам вприсядку пустись! Ирочка, я тебя умоляю, не надо тут мне демонстрировать эти дикие конвульсии. Это ничего общего с восточными танцами не имеет. Кстати, ты не в курсе? Я могу тебя устроить к совершенно

талантливой даме, которая дает уроки танца. Но у нее очередь, запись уже на следующую пятилетку, однако для тебя я могу похлопотать. За двойную оплату. Тебе нужен только танец живота!

– Танец чего? – вытаращила глаза Ирина Адамовна. – Вот животными танцами, извини, Клавдия, не увлекаюсь... Кстати, у меня же подарки! Я так и забуду вам их вручить!

Ирина встрепенулась, понеслась в прихожую и вышла оттуда с совершенно счастливым лицом. В торжественном молчании она вручила Клавдии Сидоровне баночку с двумя рыбками, а Акакию Игоревичу скрюченный листик гортензии.

– Ирочка... что это? – перекосялся Акакий.

– Ну как же! – всплеснула руками Ирина. – Всему городу известно, что вы самый лучший цветочный врач! Вот я вам и подарила... немножко больной цветочек. Собственно, он уже, кажется, мертвый... Но вы же кудесник!

Захваленный комплиментами, Акакий побрел в ванную, на ходу размышляя, какое чудо может спасти сухой корешок.

Клавдия Сидоровна к своему подарку отнеслась с большей радостью. Она была заядлая аквариумистка, всю душу отдавала рыбкам, но те, неблагодарные, все время дохли. Не далее как неделю назад варварский кот Тимка выловил последнюю рыбку, и Клавдия Сидоровна сильно тосковала, так что сегодняшний подарок был очень к месту. Ее немую радость нарушил робкий стук в двери.

Акакий направился в прихожую и вернулся в комнату с соседкой по лестничной площадке.

Соседка переехала совсем недавно, в прошлом месяце, и с самого первого дня активно начала из жильцов подъезда делать себе друзей. Отчего-то особым расположением пользовались у нее Распузоны. Звали соседку Татьяна Олеговна, но себя она позволяла звать просто Танюшей, что приводило в щенячий восторг Акакия Игоревича. Вот и сейчас Танюша скромно появилась в дверях с огромным блюдом и застенчиво начала маяться:

– Я невозможно извиняюсь! Невозможно! Не хотела нарушить вашей теплой компании! Простите за назойливость...

– Да ты, Танюша, сегодня всего-то четвертый раз забежала, какая уж назойливость, – вздохнула Клавдия.

– А и правда, в четвертый! Но у меня дело! Клавдия Сидоровна, я к вам с новостью!

– Знаю я твои новости... Опять за яйцами? Или на этот раз за мукой?

– И вовсе не за продуктами! Смею напомнить, папенька мне машину оставил...

– Да я видела: «жигуленок» цвета такого, лягушачьего.

– Заметили, да? – обрадовалась соседка. – Я почти уже ездить научилась! И сегодня впервые заправлялась... сама. И даже не свернула заправку... Вот испекла по этому поводу пирожок и пришла вас порадовать, угощайтесь... Замечательно пропекся! Акакий Игоревич, вы же любите с рыбой!

Клавдия уставилась на нее немигающим оком. От неугасимого соседкиного внимания ее уже начинало поташнивать. Однако остальным вид пирога доставил явное удовольствие.

– Вот умница, Танюша! – выхватил пирог Акакий. – А я говорю Клавдии – по сусекам поскреби, испеки пирожок, а она... А с чем пирог? Танюша! Вы должны мне показать, как его печь! Сегодня же пойдем к вам...

– И чего с машиной-то? А где заправлялись? – перебила его Ирина. У нее была и своя машинка, поэтому разговоры об автомобилях ее равнодушной не оставляли. – Во! Вас Татьяной зовут, да? Татьяна! Кстати, у меня рядом с домом стоянка ну просто со смешными ценами! Здесь недалеко. Давайте я вам расскажу...

Вскоре две женщины уже никого вокруг не замечали, перебивая друг друга, они захлеб обсуждали – какой освежитель воздуха для машины лучше. К ним пытался присоединиться и Акакий Игоревич, но, вероятно, в этом вопросе он только мешал. Потом Танюша и вовсе уволокла Ирину к себе, дабы никто не мешал их зарождающемуся знакомству.

На следующее утро Клавдия Сидоровна с самого утра отправилась в магазин – вчерашний соседский пирог настолько приглянулся Акакию, что он еще долго облизывал тарелку и посматривал на двери. Клавдия решила, что пора прекратить вкушать Танюшину стряпню, она и сама может ис-

печь кулебяку не хуже.

Через час Клавдия Сидоровна уже тащилась вверх по лестнице с пакетами и жалела только о том, что не догадалась купить Акакию бутылочку пива – пусть бы у мужа был сегодня праздник души. Но едва прошла на кухню, как настроение кардинально изменилось. Акакий и без ее позволения уже баловался пивком и даже, кажется, чем-то покрепче в компании с приятным, но незнакомым господином.

– Кака! Ну что ж такое! Что это за встречи с интересными мужчинами в мое отсутствие? Я не знаю, у вас тут что, кружок по интересам? Мужчина, что вы нашли интересного в моем муже? – накинулась она на гостя.

– А я ведь к вам, – тихо улыбнулся мужчина и достал из пакета огромную коробку конфет.

Мужчина был милым. Небольшие залысины его не портили, а придавали эдакую серьезность всей голове, глаза были добрыми и чуточку несчастными, а губы складывались в обворожительную, робкую улыбку. И он пришел к Клавдии! Сам же сказал.

– Клавдия! Клава! Прекрати млеть! – дергал Акакий Игоревич ее за рукав. – Это же Иван Павлович. Ну ты что, не узнала? Нам же про него вчера рассказывала Ириночка... гхм... Ирина Адамовна.

– Ах, Кака, что ж ты каркаешь в самое ухо? – сморщилась Клавдия Сидоровна. – Мужчина пришел ко мне, при чем здесь Ирина Адамовна? Молодой человек, вы меня по-

дождете буквально минутку? Я, понимаете, только с улицы, хи-хи, руки не помыла, губы не подкрашены, прическа примялась... Я на одну секундочку! Кстати, Кака, может, ты нас оставишь, видишь, человек тебя стесняется?

– Ни фига он не стесняется, мы с ним уже бутылку коньяка выпили. А пришел он не к тебе, а к нам! – вякнул Акакий Игоревич и вдруг горько сморщился и пьяненько запричитал: – Клавушка-а-а, горе-то какое... горе... Ириночка-то наша... Адамовна... с ней такое несчастье приключилось...

– В столб врезалась? – ужаснулась Клавдия. – Или мимо гаишника пронеслась?

– С чего бы это? Она ж не совсем идиотка, – оскорбился за сватью Акакий Игоревич. – Так только... немножко...

Клавдия ничего не понимала – только вчера они расстались с Ириной, и та чувствовала себя превосходно. А Акакий чего тут собрался оплакивать?

– Давайте я расскажу, – мягко предложил гость. – Я – Иван Павлович Бережков. Смею себя называть гражданским мужем Ирины Адамовны, потому что мы уже долгое время вместе и даже собирались узаконить наши отношения. Но совсем недавно с ней случилась неприятная история. Прямо скажем, жуткая.

– Подождите, я приму валерьянку! – вскочила Клавдия Сидоровна.

– Клава! Сидеть! – гаркнул Акакий Игоревич. Развезло его от коньяка. – Ничего жуткого – просто даме надавали по

башке.

– Кака, что за выражения!

– Ну, если коротко, то именно так и было, – подтвердил Иван Павлович. – Ирина случайно встретилась со своим бывшим сожителем. Он узнал, что она больше им не очарована и... в общем, он ее избил. Не сильно, только один раз ударил, но по голове.

– А у женщин голова и так место слабое, вот и получилось... – развел руками Акакий.

– Ой, это, наверное, Лопатин! У нее был такой прощельга, чуть Ирина денег ему не даст на выпивку, так он и давай руками махать.

– Точно, у Ирочки только одни прощельги и держатся, – поддакнул Акакий.

Клавдия Сидоровна зажала рот мужа полотенцем и продолжала слушать.

– В результате у Ирины стали появляться какие-то странности в поведении. Причем сама она никак это не объясняет, хотя, впрочем, и не отрицает их, – печально вещал гость. – Вот я и хотел с родственниками посоветоваться. Вообще-то, хотел с вашим сыном побеседовать...

– Его сейчас нет, – быстро проговорила Клавдия. – Можно и со мной поговорить. Мы ей тоже не чужие.

– Я поэтому и пришел. Может, у нее какая наследственность была или раньше такое случалось? Ну ведь ни с того, ни с сего начинается блажь, а что к чему...

– А что за блажь-то? – все больше удивлялась Клавдия.

– Вот вчера, к примеру... Вечером уже дело было. Сидим дома, обстановка спокойная, уже спать собирались, и вдруг она встает и начинает все стулья переворачивать. Ну что к чему? Я ей – мол, ты чего баррикады на ночь глядя громозишь? А она – не спорь, я знаю, что делаю. И все! И никаких объяснений! А недавно прибежала, сама вся сияет, глазами играет и эдак лукаво мне говорит – у нас, мол, кто-то всю дверь кровью исписал. Что-то там про сволочь...

– Ага, ага! И нам то же говорила!

– Мне чуть плохо не сделалось, думаю – что за идиотизм?

– Ага! И я тоже в обморок собиралась! Вы не упали, нет?

– Да нет. Я потом соседку с пятого этажа встретил, она с колясочкой гулять выходила. Я ей помог коляску спустить, а она меня вежливо спрашивает – кто я такой, в какой квартире живу. Я объясняю – мол, переехал в семнадцатую. А она обрадовалась так: «Это к Ирине? Значит, соседями будем. А я вчера видела ее, она как раз вашу дверь кетчупом мазала, надписи делала. А писать на дверях – это сейчас модно, что ли? Если да, то, может, мне и свою дверь – тоже кетчупом». Ну вот вы мне и скажите, это что? Я уж и не знаю, что подумать, вот к вам пришел... Ирина ни в какую секту не попала, вы не в курсе?

Акакий Игоревич с зажатым супругой ртом замахал руками и ногами – по-видимому, начал задыхаться. Вырвавшись из ослабевшей хватки жены, он отскочил к окну и вскричал:

– Вот! Я давно говорил! Ирине нужна помощь! Мне надо было взять ее под свое крыло! Она куда-то влипла!

– Акакий! Сидеть! Крыльями он тут размахался! – рывкнула на него Клавдия и уставилась на Ивана. – Я вам про секту ничего сказать не могу, но из-за надписи она и к нам приходила, точно. Говорила, что это Даня, сын наш, ей ворота испоганил. А теперь что же получается... она сама и малевала? А зачем тогда на Даню валила?

– Я же вам и говорю – сплошные заскоки!

– А он у нас очень приличный господин, – продолжала Клавдия, – пачкать двери не привык. Очень порядочный мальчик. Вы знаете, я его так воспитала...

– Мы! Мы воспитали! – снова встрял Акакий.

– Ах, господи, *вы* кого и воспитали, так только кота Тимку, – повернулась к супругу Клавдия Сидоровна. – И то от *вашего* воспитания он по ночам со стола сахарницу скидывает и над моими рыбками эксперименты ставит, душегуб. Данечку я воспитала. Как, кстати, и Анечку. Вы знаете, Иван Павлович, какое это счастье, дети... Только откуда же вам знать, у вас же нет своих детей, вы и замужем-то не были!

– Замужем не был, а вот женат был, до сих пор не разведен, – поправил Иван Павлович. – И сын у меня имеется. Большой уже мужик. А с чего вы взяли, что у меня детей нет?

Клавдия прикусила язык. Выходит, и в самом деле у Ирины что-то не в порядке с головой – не будет же мужик сам на себя наговаривать.

– Так ведь... Ирина сказала, что вы не алиментщик, – все же уточнила она.

– Ну правильно. А что же я сына-то до сорока лет содержать буду? Я и без того ему никогда в денежной помощи не отказываю.

– Надо же, а я уж предположил... – вздохнул Акакий Игоревич и горестно плеснул коньячку себе в стопку. – Я уж грешным делом подумал, что у тебя не все в порядке с детьми-то... Ну мало ли – отморозил или само отвалилось...

– Кака! – покраснела Клавдия Сидоровна. – Немедленно мыть ноги и в постель!

– Вот какая неумная бабища, – хитро сощурился муженек. – Стоит мне только про интимности заговорить, как она меня в постель тащит... Клава! Спокойно! Я сам...

И все же хмельного крикуна пришлось ухватить поперек жидкого туловища и упокоить на кровати.

– Так подождите, – через минуту вернулась к гостю Клавдия Сидоровна. – Это что же получается? Вы уже столько с Ириной знакомы, а эти закидоны... я извиняюсь, странности эти у нее только сейчас появились?

– Буквально на днях. А ведь мы собирались заявление подавать в загс. Теперь прямо и не знаю... А ну как она потом и меня вверх ногами переворачивать начнет, как те стулья? Вот и думай тут...

– А и нечего думать! – кинулась Клавдия защищать родственницу. – Это Ирина от счастья свихнулась. А что вы ду-

маете? У нее порядочного-то мужа сроду не было, а тут такое сокровище – без алиментов, в загс собирается. Нет, вы не берите в голову. А с Ириной я сама разберусь, поговорю по-нашему, по-девичьи! – Клавдия Сидоровна сложила веснушчатый кулачок. – Она у меня забудет и про двери, и про стулья... Ступайте домой, не пугайтесь. От радости она гудит. Мы, бабы, хи-хи, порядочному-то мужику, хи-хи, всегда так рады, что прям дурами делаемся!

Иван Павлович, видимо, успел прикипеть к ветреной Ирочке, потому что Клавдии поверил с удовольствием и уже успокоенный принялся прощаться.

Клавдия Сидоровна в прихожей растекалась патокой, а открывая двери, и вовсе превратилась в душку:

– Иван Павлович! Ой, ну вы такой приятный мужчина! Хо-хо-хо, я извиняюсь... Прямо эталон! Идеал! Я извиняюсь сорок раз, а вы не могли бы дать координаты своей бывшей супруги? – ласково заглядывая в глаза мужчине, вдруг спросила она. – Хотелось бы с ней по-женски, так сказать, побеседовать... хо-хо... поинтересоваться, что вы любите, может, борщи какие особенные уважаете или там плюшки?

– И что же, вы лично для меня стряпать собираетесь? Хо-хо! – так же ласково уставился на нее Иван Павлович. – Хитрая вы такая... Конечно, дам адрес, записывайте. Только мы же договорились – полное доверие, к чему эти выкрутасы: что мне нравится, что не нравится... Я понимаю, вы просто обязаны проверить мою информацию, у вас же с родствен-

ницей беда. Мало ли, а может, я на нее наговариваю? Или в доверие к вам мечтаю протиснуться?

– А вы что, мечтаете?

Клавдия перекосилась в улыбке, потом опомнилась, быстро сбегала за листком и начертала адрес.

Ночью Клавдия Сидоровна никак не могла заснуть. Сначала она долго думала, кому же верить – малознакомому, но такому милому Ивану Павловичу или легкомысленной Ирине? И ведь не знаешь теперь, как себя с ней вести. И Дане какво? Ох, Даня... Вот придет, «радость»-то узнает: теща и так-то умом не блистала особенно, а теперь и последнего лишилась. А может, и нет ничего? Ну не хочет мужик официально расписываться, вот и выдумывает черт-те что? Надо бы сходить на дверь-то посмотреть. И с соседкой побеседовать можно, с той, которая с коляской. Обязательно надо.

Клавдия Сидоровна решила подумать над этим завтра, а сегодня голову не загружать – время было уже позднее, хотелось спать. Однако Акакий Игоревич так добросовестно работал горлом, что спать с ним в одной комнате не было никакой возможности.

– Кака! Проснись! Прекрати храпеть!

Акакий в ответ выдал особенно кудрявую руладу.

– Кака! Закрой рот! Перевернись на другой бок, в конце концов!

Сочный лошадиный храп был ответом.

– Господи, прости меня грешную, не дай ему задохнуться, – тяжело вздохнула Клавдия.

Любящая жена лихо уперлась круглым коленом в куриную грудь мужа и накрепко стянула платок под нижней челюстью и на затылке супруга.

– Вот достаются же кому-то такие Иваны Павловичи... А у меня прям хорек какой-то... Может, ему куртку новую купить?

Теперь муж лишен был возможности открыть рот, поэтому сопел носом. Это было не так устрашающе, и женщина отошла ко сну.

Утром Клавдию разбудили старательные стоны, которые исходили от кровати Акакия.

– Квавочка... кашки... манной с моочком... – картавил супруг, корчась от мнимой боли. Развязать платок он так и не додумался, а что было вчера, из-за коньячка не помнил. Но если проснулся перевязанный, то, вероятно, мучился зубами. – Вчера весь день ш зубами... ммм, даже пваток пви-вязав... ммм...

– Уймись, горе мое! Чему там болеть? Тебе Даня все зубы вставил керамические, – вздохнула Клавдия, потягиваясь. – Это я тебе вчера платочек нацепила, чтобы не храпел, как трактор. А с молочком ты здорово придумал. Давай-ка слетай в магазин, я кашки сварю. Сэкономим сегодня на фарше, разгрузочный день будет.

Акакий Игоревич освободился от платка, попробовал челюсть на подвижность и, дабы уластить жену, уселся кормить рыбок.

– Маленькие мои, а ну-ка кушать, что дядя Кака вам даст...

– Акакий! Зверь! Ты чем их кормишь?! Это же твои удобрения для цветов! – выскочила супруга из постели, будто ошпаренная. – Немедленно иди в магазин, садист!

Акакия Игоревича от коньячка вчерашнего поташнивало, побаливала голова, и он подозревал, что до магазина путь не осилит.

– Клава, ты бездушная особь, – смиренно проговорил он. – У нас случилось страшное горе, а ты помешалась на молоке. Ирина! Вторая мать нашего Дани! Потеряла рассудок! Надо спасать женщину! Я говорю к чему – надо за Ириной понаблюдать. То есть с нее глаз спускать нельзя. Я, пожалуй, взвалю этот груз на свои плечи.

– То-то я и смотрю, что ты с нее глаз не спускаешь. Нам надо сначала выяснить, что там на самом деле с разумом у нашей сватьи. А то ведь распрекрасный Иван Павлович и причинить мог. А нам надо доказать, что в нашей родове никто с разумом добровольно не расстается.

– Правильно, Клава, ты доказывай, а я пока прослежу за Ириной, – упрямо гнул свое Акакий.

Ни за кем сегодня следить он, конечно, не собирался. Просто все еще надеялся, что жена куда–нибудь улетучится од-

на, а он пока сможет прийти в себя. А потому предложил:

– Лети, моя голубка, а я тут...

– Что значит лети?! – возмутилась «голубка». – На чем это, интересно знать, я полечу? Опять, что ли, на автобусе? Я уже и так долеталась – осталась без горжетки. А для чего нам сын «Волгу» подарил?!

Акакий встрепенулся, выгнул грудь коромыслом и заголосил:

– Ты что? Хочешь, чтобы у нашего Дани была сумасшедшая теща? Хочешь, чтобы у наших внуков была бабушка умалишенная? Нашла время о горжетке горевать!

– Ладно, обойдусь без тебя, – дернула подбородком Клавдия и уселась возле зеркала.

Конечно, она сейчас позвонит Жоре, и они вместе прояснят ситуацию с потерянной памятью сваты.

Георгий Шаров, или Жора, был молодым человеком, которого Клавдия страстно любила. Любила как несостоявшегося зятя. Было время, Жорочке страшно нравилась дочка Распузонов – Анечка. Парень был готов ради нее озолотить даже ее родителей, благо средства для этого у него всегда имелись. Только Анна оказалась верна мужу и на переживания Жоры внимания не обратила. Зато обратила внимание Клавдия Сидоровна и при малейшей нужде обращалась к парню. И сейчас ей помочь должен был именно Жора.

Клавдия Сидоровна долгих полтора часа украшала себя румянами, тенями и тушью и лишь после этого плавно по-

дошла к телефону.

– Алле, Жорик? – промяукала она неестественным голо-
сом кокетки-пятиклассницы.

Жорик, по всей видимости, не сразу сообразил, кто звонит, потому что утробно заурчал в трубку как-то совсем поинтимному:

– Ну наконец-то. Пупсик, это ты?

– Да это я, Клавдия Сидоровна...

– Кхм... Ну, Кла-а-авдия Сидоровна, побойтесь бога, какой вы, к черту, пупсик?!

– Жора, не отвлекайся. Я тебе звоню по неотложному делу – мне срочно нужна машина через... через семь минут.

– Вам такси, что ли, вызвать, я не понял? – туго соображал Жора.

– Какое такси? Разве я сказала, что мне нужно такси? Жора, я повторяю – мне нужна машина. Твоя. Вместе с тобой.

В трубке повисла долгая пауза, потом молодой человек встрепенулся и быстро заговорил:

– А я ведь не могу! Такое, знаете ли, несчастье – сегодня у нас заседание совета директоров, потом...

– С пупсиками? Ты для меня погиб, Георгий. К твоей фотографии отныне я буду ставить цветы! – красиво всхлипнула Клавдия Сидоровна.

Она в чувствах брякнула трубку, промокнула накрашенные глаза подолом и взревела:

– Кака! Немедленно собирайся! Мы едем к Ирине!

На сей раз Акакий Игоревич даже не стал перечить – в таком состоянии супругу было лучше не огорчать. Да и к Ирине, если честно, он съездить был совсем не прочь.

Супруги Распузоны уже стояли возле дверей, когда раздался настойчивый визг звонка.

– Здравствуйте, Клавдия Сидрна, и вы тоже, Акакий Игрич, – появился в дверях огромный рыжий Жора. – Я ить чо подумал-то, может, не надо это... цветочки-то к моей фотографии? Чо раньше времени-то, я не тороплюсь. Вот машину пригнал. Куда едем-то?

Клавдия Сидоровна еще не могла простить любимцу пупсиков сегодняшний отказ, и демонстративно разглядывала обои, нервно откручивая пуговицу на кофте.

– Езжай, Георгий, по своим делам, не видишь – у нас семейный выезд, – распорядился Акакий, оттесняя гостя к выходу. – Мы сами с Клавочкой, у нас тут такой запутанный случай...

– Нет, позво-ольте! Я, значит, все бросил... Я, может, как раз из-за такого запутанного случая и приметелил... А теперь у них, оказывается, выезд семейный! – завозмущался Жора. – Можно подумать, вы в свадебное путешествие собрались. Сами небось опять куда-то вляпались, а я, значит, не при делах? Я тоже поеду!

Жора являлся весьма успешным дельцом, семьи не имел, запретов не ведал, всегда жил в свое удовольствие, и его молодую кровь давно ничто особо не волновало. А ему хоте-

лось именно что волнений и приключений. Семья же Распузонов то и дело попадала в какие-то криминальные передряги, потом из них выбиралась с риском для жизни, и наблюдать это было жуть как волнительно. Поэтому Жора, едва заслышав про очередной «запутанный случай», сразу бросил все и накрепко приклеивался к этой супружеской паре до полного прояснения обстоятельств. Сейчас его нос мигом учуял начало нового интересного сезона, и поэтому выгнать Георгия было невозможно.

– Хорошо, Георгий, езжайте, – горько произнес Акакий, в душе отплясывая лезгинку. – Я не буду для вас обузой.

Пока Клавдия Сидоровна придумывала, как бы половчее ответить мужу-предателю, тот ужом проскользнул в туалет и запер дверь.

Клавдия не стала кидаться на туалетную дверь. Она с достоинством влезла в свою обворованную искусственную шубу и крепко нахлобучила на самые глаза шапку.

– Ах, Жора, мое несчастье, что я никак не научусь на вас сердиться, – могуче выдохнула она и распахнула входную дверь.

Через три минуты Жорин джип уже летел по направлению к дому Ирины, а Клавдия подробно рассказывала Шарову, как люди иногда умудряются терять все, даже разум.

– Так я не понял – вы, значит, из-за надписи этой так завелись? – допытывался Жора.

– Да я, Жора, если честно, сильно сомневаюсь, что там

вообще какая-то надпись была, – рассуждала Клавдия Сидоровна. – Ирина у нас дама серьезная, сообразительная, но только по части кроликов. А в остальном... Сама себе чего-нибудь навывдумывает и заставляет всех верить. Это ж надо – такому мужику, как ее новый Иван, вдолбить в голову, что она потеряла разум! Да она его и не имела никогда, разум-то. Специально так придумала, чтобы выглядеть таинственной и загадочной. Эдакая женщина-шарада.

– Не, а чо – классно! Я тоже так скажу! – загорелись глаза у Жоры. – Ко мне кредиторы за долгами прирулят, а я им – опаньки... справочку под нос. Мол, не знаю, кто вы такие есть, морды бандитские, потому как у меня потеря разума. Или, опять же, придет налоговая: «Где это ваши декларации?», а я им – кушайте справочку, я совершенно неразумен. Как есть инвалид!

– Нет, Жорик, думается мне, на липовых справках ты долго не продержишься. Тебя твои кредиторы по-настоящему инвалидом сделают. Да, кстати, не вздумай Ирине про разум ляпнуть – она все равно не сознается, а ты только все дело загоришь.

– Да ну чо я, идиот, что ли? – обиделся Жора и дальше вел машину молча.

Возле дома Ирины Клавдия Сидоровна бдительно огляделась – не хотелось попадаться на глаза Ирине или, еще того хуже, Ивану Павловичу. Однако двор мирно дремал, и в подъезде паре «сыщиков» тоже никто не встретился.

Возле семнадцатой квартиры они остановились.

– Чистая дверь... – пожал плечами Жора. – Никакой надписи. Наврала вам ваша сватья.

– Подожди, надо проверить, – шепотом не согласилась Клавдия. – Ирина уже стерла надпись. Жора, ты готов провести следственный эксперимент?

У Жоры от важности момента колючим ежом застрял комок в горле. Он не мог вымолвить слова, только пучил глаза, наливался кровью и мотал согласно головой.

– Готов... следственный... – наконец просипел он. – А чо делать-то?

– Ничего особенного – надо облизать дверь. Понимаешь, Ирина говорила, что написано было кетчупом. Вот ты и лизни – если где кетчуп учуешь, значит, была надпись.

– А чо это вдруг я лизать должен? – обиделся Жора. – А сами чего?

– Я вообще кетчуп не люблю. А уж на дверях так и вовсе организм не переносит. Давай, Жора, не капризничай. У тебя язык вон какой большой, прямо половик. Тебе таким-то языком только раза два махнуть, и все – двери начисто вымыты.

– Так это чо, всю дверь, облизывать надо?

– Нет, внизу можно не облизывать. Вот отсюда и досюда только. Ну не кривляйся, давай по-быстрому, а то кто-нибудь выйдет! Господи, с кем приходится работать... – прошипела Клавдия Сидоровна.

Жора был человеком дела. Перекрестившись мысленно, он сначала медленно, а потом быстрее и быстрее заработал по двери языком.

– Не-а, здесь вроде нет... Здесь вообще какой-то вонючей тряпкой пахнет...

– Ты возле ручки лизни. Там, кажется, что-то краснеет.

– Ага... Вот, точно кетчуп! – обрадовался Жора и продолжил облизывать дверь. – Так... ням-ням... какой же... Не знаю, какой, но точно не «Балтимор»...

– Люди добрые!!! Да и чево ш такое деиться-а?!! Совсем нас задавили ценами! Вон, бежанцы ходют, двери лизут!!! – распахнулась соседская дверь, и на пороге появилась тощая, сморщенная старушка. – Да ить ужо хватит дерево-то лизать, я вам сухариков вынесу. Голубьям хотела размочить, да уж коль тако дело...

Жора отпрыгнул от двери, точно его застали за подглядыванием в бане. Клавдия Сидоровна сотворила на лице нежную улыбку, а сама лихорадочно придумывала, как бы затолкать старушонку обратно в ее квартиру, пока тут все соседи с сухарями не повыскакивали. Однако придумать не успела, на шум в подъезде свою дверь распахнула Ирина. Изумилась:

– Кла... Клавдия Сидоровна, вы? Что-то случилось?

– Да я просто зашла...

– А и как же не случилось?! – взревела бабуська. – Коль гостей приглашашь, так ты их хоть чаем пои! Чего ж они у тебя двери кусают?

– Кусают? – захлопала Ирина глазами.

– Ах, Ирочка, ну нет, конечно... – заговорила-забормотала Клавдия Сидоровна, толкая родственницу животом, чтобы та быстрее догадалась впустить ее с Жорой в квартиру. – Ирочка, я пришла... Мы пришли...

– Нет, а чо, вы правда, что ль, разум потеряли, или это приколы такой? – вдруг восторженно спросил Жора.

– Клавдия Си-и-доровна! – резко взвизгнула Ирина ноту «си». – Это кого вы с собой привели? Кто юношу воспитывал? С чего он взял, что я что-то там потеряла?

Клавдия зыркнула на «юношу» испепеляющим взглядом и заговорила приторно-мармеладно:

– Ах, Ириночка, не обращай внимания. У соседки сыночек идиот, вот и везу мальчика к психиатру. Ты ж меня знаешь, никому отказать не могу. А мальчик... Да что там говорить, болезнь прогрессирует прямо на глазах – то дверь вот тебе всю облизал, то мелет что попало...

Жора от возмущения забыл, как правильно надо дышать, и теперь хлебал воздух какими-то неровными порциями, с присвистом. Однако Клавдия Сидоровна на такие мелочи внимания не обращала, продолжала разливать елей:

– А я по пути решила к тебе заскочить. Очень хотелось бы поговорить с тобой... Когда в гости придешь? Я еще и обнову тебе покажу: такие тапки себе купила! Сегодня зайдешь?

– Нет, сегодня никак! – отчего-то взволнованно проговорила Ирина. – Я лучше потом как-нибудь...

– Ну тогда мы к тебе. Может, чайку на...

– Нет! – взвизгнула Ирина Адамовна. – Я к вам завтра найду... сама! А мальчика... Вы бы везли его дальше, у него, по-моему, эпилепсия начинается, вон как посинел!

Клавдия Сидоровна быстренько вытолкала Жору за дверь, еще раз виновато улыбнулась Ирине и выскочила сама.

В машине долгое время Клавдия с Жорой ехали молча, пока наконец парень не взорвался:

– Ну, я долго еще буду ждать извинений?

– Жора, что ж ты так кричишь? – взвилась в ответ дама. – Ты у меня всю мысль распугал! Только-только проклянулась...

– А чего с меня взять? – ерничал тот. – Я же debil. Еду вот к психиатру... Между прочим, я всю дверь облизал, эксперимент поставил. Так могу я спросить: что мы узнали-то?

– Спросить можешь. Но ответа не услышишь. Сейчас не услышишь. Приедем домой, я соберу срочное чрезвычайное собрание детективного бюро, там все и расскажу, – строго промолвила Клавдия Сидоровна

Жора посмотрел на нее с огромным уважением – эта женщина знала, как заинтриговать мужчину.

Чтобы Клавдия Сидоровна заметила, как он ее в очередной раз зауважал, Жора даже остановился возле первого же продуктового павильона, сбегал купил коробку конфет и бутылочку красного винца для дамы, а себе и Акакию Игоревичу по литровой бутылочке пива и упаковку креветок. Гораз-

до же приятнее обсуждать серьезные дела, посасывая пиво и теребя морепродукты.

Акакий в отсутствие жены хотел было пивом себя побаловать, ан не получилось – Клавочка строго следила, чтобы деньги не валялись где попало. То есть в карманах супруга. Поэтому Акакий ждал жену с нетерпением – хотелось узнать, куда она перепрятала собранную им в бачке унитаза заначку – целых семьдесят рублей. А Клавдия все не появлялась. И чем дольше не было благоверной, тем сильнее он себя накручивал.

– Уехала! С Жорой этим! А ведь я как с ними просился! Тимка, ты свидетель, помнишь, как я просился с ними? А она... Иди немедленно и сожри у нее в аквариуме всех рыбок! Всех двух, остальных ты и так уже угробил. Чего ты жмуришься? Иди хоть лапы помой там, что ли, воду помутит. Мы им покажем! Они еще узнают...

Клавдия Сидоровна заявила домой сосредоточенная и серьезная. Следом такой же серьезный двигался Жора с полными пакетами. Однако Акакий Игоревич тоже не был настроен веселиться.

Едва супруга показалась в комнате и решительно произнесла: «Кака, пойдем в кухню, надо поговорить...», как Акакий Игоревич выпятил впереди себя на вытянутых руках когти и страшно зашипел:

– Фас, Тимка, фас ее! Ишь, нагулялась!

Тимка как висел, так и остался висеть вялой меховой тряпкой. Только устало повертел круглой башкой, терпеливо ожидая, когда хозяину надоест эта новая неинтересная игра.

– Жора! На кой черт ты ему пива приволок? Он же еще от вчерашнего не отошел, – крикнула Клавдия на кухню. – Акакий, я тебе сейчас наведу крутого кипятку, чтоб ты протрезвел. У нас серьезный разговор.

Акакий, услышав про пиво, немедленно бросил кота и, потирая руки, потрусил в кухню. Конечно, разве его Клавочка может когда-нибудь забыть про своего муженька... Вот и ездили они с Жорой недолго, и пивка ему привезли...

Первое, что увидел Акакий, заскочив на кухню, это то, как Клавдия выливает из красивой бутылки пенистое, золотистое пиво... в раковину. Жора сидел за столом и крепко прижимал к груди свою бутылку. Его глаза были полны ужаса – с подобной жестокостью он столкнулся впервые. И снова он взглянул на женщину с уважением – такая может пойти на что угодно.

– Клава... – начал было Акакий, но жена его тут же перебила:

– Понимаю, Кака, ты хочешь спросить, зачем я вас собрала?

– В общем-то...

– Затем! Наша родственница попала в странную ситуацию – она еще не успела выйти замуж, а уже двинулась умом, – со вздохом констатировала Клавдия Сидоровна. – И ее жених

просит у нас помощи. И только от нас с вами зависит, выйдет ли женщина благополучно замуж или останется одинокой и несчастной. Поэтому нам надо доказать Ивану Павловичу Бережкову, что Ирина рассудок не теряла! А для этого мы должны знать, что там у нее за фокусы с перевернутыми стульями и с измазанными кетчупом дверями. Вам понятно?

Мужчины дружно мотнули головами. Потом Акакий решил снова напомнить о бутылочке с пивом.

– Клава, а...

– Понимаю! – снова перебила Клавдия. – Ты хочешь спросить, что нам с Жорой удалось сегодня узнать.

– Да! – первый мотнул головой Жора. – Что?

– А нам удалось выяснить очень неприятную вещь: надпись на дверях у Ирины действительно была. Жора мне сам сказал, что почувствовал вкус кетчупа. Правильно я говорю, Жора, почувствовал?

Жора кивнул.

– Но если была надпись, а писал ее не Данил, значит... – принял позу мыслителя Акакий.

– Да не писал ее Данил! Нам же вчера Иван Павлович говорил! – разозлилась Клавдия. – Вот только совершенно непонятно – зачем Ирина сама себе исписала дверь, а потом еще и тщательно ее вымыла?

– А может, это и не она писала? – предположил Жора.

– Ее соседка видела, что писала она. Только зачем? А если она и в самом деле спятила? – пригорюнилась Клавдия

Сидоровна. – Что ж делать-то? Неужели в психушку устранивать?

Оба мужчины с печалью в глазах уставились на Клавдию Сидоровну. Потом, вроде загрузив о тяжелом будущем Ирины, потянулись к бутылке.

– Не отвлекаемся! Итак, у кого какие соображения? – наседала Клавдия Сидоровна. – Ну неужели ни одной мысли?

– Я так думаю, – изрек Жора, – если ваша Ирина сама такие штуки вытворяет, значит, она либо на самом деле с головой не дружит, либо... Чо она там написала?

– «Отдай долг, сволочь!»

– Во! Либо она хочет своего женишка на предмет долгов проверить. Испугается он, начнет метаться – значит, в долгах по самую макушку. И на фига ей такой муж? – размахивал криветкой Жора.

– Мудрое решение, – похвалила Клавдия.

– А я, например, до этого еще раньше додумался. Только думал – сказать не сказать... – встрял Акакий Игоревич.

Честно говоря, сначала он и вовсе ни о чем, кроме вылитого пива, не мог думать, но уж коль дело настолько серьезно могло коснуться родного Дани, он решил напрячь мозги сильнее обычного.

– А вообще...

Он в глубокой задумчивости налил себе пива из Жориной бутылки и загрустил. Потом умно почесал в затылке и сообщил:

– А вообще я здесь никакого криминала не вижу. Не хочет мужик жениться, пусть не женится, другие желающие найдутся.

– Не ты ли?

– Клава, не ревнуй, я от тебя никуда не денусь! Я как то... родимое пятно, во! – успокоил жену супруг.

В этот день заседать долго не стали. И в самом деле, чего ломать голову, если ничего страшного не произошло. Дамочка резвится перед супружеством, ну и пусть себе. И вообще – у Клавдии вон похитили горжетку, и никаких следов не разыщешь, вот где горе-то!

Уже на следующий день причуды Ирины были Клавдией благополучно забыты. Навалились домашние хлопоты – давненько не была она у дочери Анечки, хотелось сбегать по магазинам присмотреть себе осеннее пальто, к тому же надо было занять деньги для заморских танцев.

Клавдия решила все же добратся до денежной подруги. Она уже открыла было, собравшись на выход, дверь, но тут же отпрянула назад – на пороге стояла сияющая матушка Акакия Игоревича Катерина Михайловна с огромными баулами, сетками и сумками. А рядом с ней так же радостно улыбался сухонький высокий старичок с голой индюшачьей шеей.

– Ну? Не узнаете? А это мы! Не ждали? – весело заговорила Катерина Михайловна. – Акакий, немедленно сделай

счастливого лица, тебя как-то неприлично перекосило. Можно подумать, ты не рад маме.

Катерина Михайловна долгое время жила вдали от сына и его семьи, и это всех устраивало. Свекровь с невесткой много лет искали общий язык, но тот упрямо не находился. Однако в прошлом году Катерина Михайловна решила жить вместе с сыном, спешно поняла, какая невестка умница, и совместная жизнь стала со скрипом налаживаться. Клавдия Сидоровна уже похоронила надежду остаться когда-нибудь с мужем в квартире вдвоем, тем паче что квартира принадлежала свекрови, но – о чудо! – бабушка взяла, да и скоропостижно выскочила замуж. Муж, именно этот голошей старичок, оказался с хорошим приданым, то есть с квартирой, и молодые супруги, если можно так назвать старичков, поженившись на восьмом десятке лет, перебрались туда. Клавдия Сидоровна выдохнула, и жизнь снова повернулась к ней теплым боком. И вот тебе, пожалуйста, – сейчас на площадке снова стоит Катерина Михайловна и ее супруг Петр Антонович, и, судя по багажу, приехали они не только чаю попить.

– Акакий! Возьми немедленно сумки, затащи в дом. Петр, раздевайся. Ты сейчас в ванную пойдешь или перед сном? – командовала Катерина Михайловна.

– Я бы сейчас, – скромно потупился старичок.

Он с интересом разглядывал новое обиталище и смачно сморкался в огромный, как скатерть, платок.

– Хорошо, а Клавочка тебе пока приготовит парную ку-

рицу.

– Мамочка... у вас сгорел дом? – предположил Акакий Игоревич.

– С чего бы? Ты знаешь, Петр Антонович не курит, со спичками я ему не даю играть. Почему у нас должно что-то сгореть?

– Акакий, веди себя прилично, – одернула супруга Клавдия Сидоровна. – Мамаша просто зашли в гости. Правда, мамаша?

А Катерина Михайловна уже свободно устраивалась в комнате и оттуда кричала на все этажи:

– Клавдия! Ты ж умная женщина! Ты сама подумай, что ж это мы по гостям с сумками таскаться будем? Это мы к вам жить приехали. Ненадолго, всего на полгода. Я правильно говорю, Петр?

Петр уже всю плюхался в ванной и участия в дискуссии не принимал.

– А чего ж вам дома-то не жилось? – потяжелел взгляд у Клавдии.

– Жилось! Отчего же не жилось! Только вспомнили мы с Петром Антоновичем, что, оказывается, ни он, ни я не отдыхали на Мальдивах. Это большое упущение. Вот мы и решили – сдадим нашу квартирку в аренду на полгода, а сами пока у вас проживем. А до лета как раз на Мальдивы денег накопим. Чего тут думать-то! – прояснила Катерина Михайловна ситуацию.

– Правда ведь, мама умница? – по-детски обрадовался Акакий.

– Мама-то умница, ты вот только в кого такой уродился, – сверкнула Клавдия суровым глазом. – И что нам теперь делать? Самим комнату снимать?

– Клавочка! – появилась из комнаты Катерина Михайловна. – Ты уже собралась в магазин? Правильно, а я только хотела предложить – давайте устроим роскошный банкет! Накупим всяких вкусностей, вина...

– Мамаша! У нас не такой праздник, чтобы деньгами разбрасываться. Нет у нас денег, только-только на молоко Тимке хватает.

Неизвестно, сколько бы еще жалоб выплеснулось на голову романтической старушки, но тут из ванной вышел Петр Антонович и, источая пары, зычно оповестил:

– Я смыл и пот, и грязь, и вот готов к банкету мой живот! Здорово? Вам нравится? Это я так задумал: не выйду из ванной, пока не придумаю стих, и хоть ты меня режь! – хвастался помытый гость. – Клавочка, детка, а вы уже и в магазин наладились? Дайте-ка я вам деньги дам...

– Петр! Не смей! – заверещала Катерина Михайловна. — Это мелко и низко! Мой сын никогда у меня деньги не берет!

– Правильно, он у меня берет, – буркнула себе под нос Клавдия и обратилась к старичку: – Я не расслышала, вы что-

то хотели сказать? Ой, мама! Помолчите уже! Вы вроде как курицу нам обещали, так займитесь. Петр Антонович, сколько вы как настоящий мужчина хотели добавить для похода в магазин?

Настоящий мужчина отслюнявил довольно приличную сумму. Клавдия Сидоровна в чувствах чмокнула его в морщинистую щеку и унеслась в магазин.

Вернулась Клавдия, нагруженная сумками. До звонка дотянуться не смогла, поэтому попросту стала долбить ногой в дверь. Неизвестно, чем были заняты домочадцы, но открывать не спешили. Зато распахнулась дверь соседки Танечки. Танечка молчком ухватилась за пакеты и буквально втащила соседку к себе.

– Ой, Клавдия Сидоровна! Вы поймали мои флюиды! Я так хотела к вам прийти, так хотела... – сделала она страшные глаза. – Только немножко стусевалась. У вас там какая-то бабуся... Простите, конечно, но она меня чуть ненормативной лексикой не послала! Хорошо, что вы догадались заглянуть.

Клавдия и в жизни бы не догадалась навестить болтливую даму, если бы ее силком не затащили. Однако у соседки было такое перепуганное лицо, что она бросила пакеты прямо в прихожей и выдохнула:

– А у тебя-то что стряслось? Тоже ума лишилась?

– Я даже не знаю... Почему это сразу ума? Тут такое тонкое, нервное дело... Да вы пройдите в комнату!

Клавдия прошла, плюхнулась в диван и уставилась на Татьяну.

– Я про вашу родственницу, про Ирину! Она же вам родственницей приходится? – начала заламывать руки Танечка. – Дело в следующем! Помните, мы от вас ко мне пошли про машины беседовать... Я думала, у меня дома удобнее получится, чай предложила, кофе... Мы даже по сигаретке выкурили. Но это ведь ничего, правда? Мы не затягивались, а так, для красоты...

– И что там с родственницей? – придвинула соседку ближе к делу Клавдия Сидоровна.

– Вы знаете, она мне понравилась! Да! Я в нее прямо-таки влюбилась!

Клавдия сглотнула ком в горле и нервно зевнула.

– У нас оказалось так много общего! – заливалась Татьяна. – Преступно было бы терять такого человека, опять же у нее и шубки кроличьи... Я решила ее и на следующий день к себе пригласить. И пригласила. А сама столик небольшой накрыла, думаю, вдруг она не одна, а со своим другом придет, а тот еще и своего дружка приведет. Ну вы знаете, как это бывает с молодыми людьми. Вы знаете, да? Хотя, извините, откуда вам знать... Ну я предполагала, что мы посидим, познакомимся, и им приятно, и мне – новое знакомство...

– И что, не пришла она? – все никак не могла дождаться главного Клавдия. – Ты говори быстрее, у меня там рыба замороженная, сейчас протечет.

– Рыба? Ах, рыба... Ну так вот, пригласила, и она пришла. Одна. Но я не об этом. Я, значит, жду гостей, накрасилась французской косметикой – я себе купила для таких случаев, прическу сделала... Ой, ну обидно, прямо не могу, извините... – Татьяна потеряла нос и всхлипнула. – А Ирина меня увидела и говорит: «Я носом чую – тебе надо душ принять, вдруг к нам на огонек еще кто придет». Ну я сначала даже возмутиться хотела – с чего бы душ? Можно подумать, я не моюсь. А потом решила: вдруг и правда кто придет, а она носом чует, что мне в душ требуется, и понеслась. Выхожу, вся кремами-духами благоухаю, а... а дома и нет никого! Ирина ушла. Но самое непонятное...

– Ну говори же!

– Все окна у меня газетами заклеены! – выдохнула Танечка со слезами на глазах. – Все! И на кухне, и в гостиной, и в спальне даже!

– Господи... Все? А ты на зиму не заклеивала, что ли?

– Да она стекла, стекла заклеила, понимаете?! Я их еле потом отмыла! – уже вовсю разревелась Танечка.

– Понятно... Не реви! Чего реवेशь-то, из дома пропало чего?

– Ничего не пропало. Но зачем стекла-то? Прямо страшно как-то, а у меня тонкая нервная натура, вот и рыдаю от этого...

– И ты думаешь, это Ирина?

– А кто же? Здесь же только она была. Я потом проверила,

конечно, не пропало ли чего, все на месте оказалось. Ну а поздно вечером она сама мне позвонила. «Ты, говорит, извини, я что тебя из ванной не дождалась. Ума не приложу, чего ты туда полезла, если гостей звала? Как тебе мой маленький сюрприз с окнами?» Я ей кричу: «Зачем ты это сделала? Это же надругательство!», а она: «Ты, глупенькая, сама своего счастья не понимаешь, я тебе подарок сделала!»

– А подарок-то какой?

– Да я ж вам говорю – окна эти самые! А сегодня она опять звонила, в гости напрашивается, только я... я больше не хочу с ней дружить. И не надо мне такого счастья! Я уж не знаю, чем она там приклеивала эти газеты, но я едва ножом отскребла их. Теперь вот придется к Акакию Игоревичу обращаться, чтобы помог отскоблить...

– Так ты же, говоришь, отскоблила.

– Ну что вы! Только тут. А в спальне? Там такой ужас, такой ужас! Без Акакия Игоревича никак!

– Нет уж, дорогая! Он и в своей спальне ужасы посмотрит. А с Ириной... А ты ничего не выдумала?

– Да вы что? Вы сомневаетесь в моих словах? Так вы сами ей позвоните и спросите! – задохнулась от недоверия Танечка. – Нет, вы не чмокайте, а позвоните! И мне потом расскажите, за что она меня так! И я не знаю, как теперь ей отказать. Она же на новый визит напрашивается!

Клавдия сидела подавленная. Не верить Татьяне резону не было. Если присмотреться, еще и сейчас на окнах были

видны полосы – что-то со стекла явно отскребали.

– Ты, Танечка, позвони ей и скажи, что к тебе муж вернулся, поэтому никаких визитов не получится.

– Так у меня... мужа-то не было никогда... – честно хлопала глазами соседка.

– Когда-нибудь будет, а ты все равно скажи, – посоветовала Клавдия и стала собирать пакеты. – Если она еще раз позвонит, сразу ко мне стучи, там разберемся.

Дома Клавдия не могла найти себе места. Странное поведение Даниной тещи никак не выходило из головы. И что с бабой стряслось? Неужели ее и правда так по голове долбанули, что она разум потеряла? Да не позволит она, чтобы ее кулаками дубасили, так если только, пощечину... Однако ж не такая Ирина изнеженная женщина, чтобы от пощечины у нее разум свихнулся. Нет, что ни говори, а надо к ней навеститься. А то вон до чего распустилась, уже соседи бояться ее стали...

Домашних после сытного ужина как-то разморило, они по очереди щелкали пультом телевизора, и особенного внимания на терзания Клавдии не обращали. Только матушкин супруг, вероятно, желая понравиться, никак не мог уняться, все приставал к Клавдии, исподтишка щипал ее за крутой бок и ласково заглядывал в глаза:

– Клавочка, я всю жизнь мечтал, чтобы у меня была вот такая маленькая дочурка, хи-хи, – меленько хихикал он.

Клавочка рассеянно шлепала озорника по блудливым ру-

кам и все искала предлог, как вырваться к Ирине и чем объяснить сей неожиданный визит. В конце концов, она попросту взяла мусорное ведро и направилась к выходу.

– Клавочка! – крикнула свекровь с дивана. – Выносить мусор на ночь глядя очень дурной знак – денег не будет.

– Хорошо, мамаша, не пойду. Тогда вы завтра с утра с утрачка отнесите, терпеть не могу полное мусорное ведро в доме.

– А с другой стороны, чего уж дурного? Гигиена еще никогда вреда не приносила, – тут же опомнилась старушка и снова уткнулась в телевизор.

Глава 2

Почем кошелек с деньгами?

Клавдия Сидоровна оставила ведро у мусорки и уже через полчаса была у Ирины. Свекровь подсказала порядочный предлог, и сейчас Клавдия, стоя перед дверью, горестно собирала брови домиком и озабоченно кусала губы – входила в роль.

Дверь открыла сама Ирина. Она была в приподнятом настроении, из кухни доносились запахи чего-то жареного, и ничто не говорило о ее безумии.

– Ирочка, а я к тебе с просьбой... – начала Клавдия.

Но Ирина Адамовна весело ее перебила, защелбетала, источая родственные чувства:

– Клавдия! И каким это ветром тебя занесло? Ну проходи же... Как ты вовремя! Иван, смотри, кто к нам пришел! Клавдия, надевай вот эти домашние туфли... Хотя не надо туфли, ты их помнешь... так проходи, босиком...

В прихожую вышел Иван. У него было не такое лучезарное настроение, как у Ирины. Он даже немного растерял свой лоск и уже самую чуточку походил на Акакия.

– Проходите, – улыбнулся он и заспешил на кухню.

Клавдия направилась за ним – хотелось порасспросить мужика, не устроила ли Ирочка еще чего новенького, но та

сама появилась в дверях и принялась выставлять на стол угощения.

– А я хотела зайти к вам, да все времени нет, – щебетала она, доставая какие-то вазочки и чашки.

– Я по делу... – снова сделалась несчастной Клавдия. – К нам ведь свекровь с супругом приехали. Пожить немного хотят, свою квартиру в аренду сдали, а у нас...

– Нет, ты посмотри, какие молодцы! – радовалась за свекровь Ирина. – А и правильно! Сдали квартиру, а денежки отложат на черный день. Так ведь?

– Они на белый хотят... В круиз собираются, по туристической путевке...

– Ну и замечательно! Я бы тоже по туристической куда-нибудь съездила. Вот так хочется, так хочется... Но ведь работа! Даже к вам вырваться некогда! Но вот только Иван разведется да сводит меня в загс...

Клавдия наблюдала за Ириной – может, у нее уже прошло наваждение?

– Я тут соседку свою встретила, – закинула она удочку. – Ну, Ирочка, ты ее знаешь...

– Татьяна, что ли? Интересная особа, мне понравилась. Я ей такой подарок устроила! Она еще не знает! – загорелись глаза у Ирины.

– Какой подарок? – насторожилась Клавдия. – Это когда ты все окна ей газетами залепила?

Иван Павлович чуть не захлебнулся чаем. Теперь он уже

с явным испугом смотрел то на Клавдию, то на Ирину Адамовну.

– А! Она тебе уже рассказала? – ничуть не смутилась Данина теща. – Ну конечно! Да, залепила. Правда, это надо было сделать чуть позже, потому и получилось непонимание с ее стороны.

– Ха, а если бы ты позже ей стекла заклеила, она бы тебя поняла? – фыркнула Клавдия.

– Конечно! Она бы мне была просто благодарна! Кстати, Клавочка, я новый салатик придумала с крабами, попробуй, все пальцы обгрызешь!

Клавдия уже и сама нацелилась на салатик, но тут резко отдернула от него руку – напоминание о пальцах из уст родственницы прозвучало зловеще.

– Я на диете, крабы мне как раз жутко противопоказаны, – сообщила сдавленным голосом.

– На диете? Слушай! Я тут вычитала одну изумительную диетку! – щебетала Ирина.

Она вся прямо-таки излучала благополучие и радость. Чего никак нельзя было сказать о ее женихе. Иван Павлович сидел в углу стола, потягивал чай и встревоженно прислушивался к тому, что говорила Клавдия.

– Ирина, а ты больше ничего не вычитывала? – невинно спросила гостья. – Ну, может, заговоры какие, статейки про черно-белую магию?

– Да когда мне читать? – возмутилась Ирина. – Я приез-

жаю от своих кролов сама не своя. Они же, понимаешь, как дети! Я вот хочу крола того, который чуть не умер, домой привезти, прекрасный производитель... Да и зачем магия? Я вообще считаю, что она только вред наносит.

– Правильно считаешь. Магия – это совсем не для нас. Я вот тут с одной тетенькой познакомилась, – принялась всюю врать Клавдия Сидоровна, – так она меня в секту приглашала, там говорит...

– Клавдия! Тебя надо лечить! У тебя полезли синдромы!

– Нет, вот у меня-то как раз ничего не лезет...

– Секта... И не вздумай! Ты знаешь, какие они, сектанты? Не успеешь оглянуться – затянут. А потом еще и обдерут как липку! – с негодованием воскликнула Ирина.

Она плюхнула на стол горячую пиццу из микроволновки, быстро заставила стол новым угощением, а сама ни на минуту не умолкала:

– Я вот изумляюсь – куда тебя, Клава, несет? В секту она потянулась! Лучше бы в спортзал записалась! И фигура бы обозначилась...

– Но ведь не все сектанты такие уж...

– А ты-то откуда знаешь? Можно подумать, ты разбираешься! Тут столько разума надо иметь, чтобы понять, кто и что... У тебя сроду такого не было!

Размышление о разуме от Ирины было слышать приятно. И вещи говорила она правильные. Однако это никак не проливалось свет на ее странности. Хотя... может, она уже немно-

го отошла от предсвадебного шока и теперь у нее в голове все встало на свои места?

– А Иван заявление на развод подал, – словно подслушав мысли сватьги, сообщила Ирина. – Разведется, мы тут же подаем заявление, и через месяц регистрация. Правда ведь, милый?

Милый дергал кадыком и вымученно улыбался.

– Ну... если у вас все так славно, не буду вам мешать, – поднялась Клавдия. – Пойду я.

– А чего заходила? Ты же говорила, просьба у тебя, – напомнила Ирина.

– Так это... денег занять хотела... старичков подкормить. Сама понимаешь, приехали же, обратно не отправишь... А у меня что-то совсем... – вяло отбредивалась Клавдия.

Ирина глянула на часы и бодро сообщила:

– У меня сейчас тоже нет, сегодня кроликам на витамины последние отдала, но...

– А сколько вам надо? – потянулся к карману Иван Павлович.

– Да нет, не надо, – остановила его Ирина. – Подожди-ка, сколько сейчас времени? Полвосьмого? Посиди еще полчаса, в восемь я кошелек найду и дам тебе денег.

Из угла кухни послышался тяжелый вздох.

– Вот ты на него посмотри, Клава! Он мне не верит! – воскликнула Ирина. Она подбежала к Ивану Павловичу, чмокнула его в нос и добавила: – Прямо-таки неверующий Фома!

Клавдия тоже немного скисла.

– И где это ты именно в восемь часов собираешься деньги искать?

– Не деньги, а кошелек. Клава, я у тебя хотела спросить, у тебя знакомых в парикмахерской нет? А то на свадьбу хочу прическу...

– Ира... а можно я с тобой этот кошелек искать пойду? – робко попросила Клавдия.

– Не искать, а найти! – поправила та. – Ты что, тоже мне не веришь? Ой, ну до чего вы... я не знаю прямо... Небось еще меня и сумасшедшей считаете? Я в своем уме, успокойтесь!

– Да как же успокоиться? – расстроено занудила Клавдия. – Обидно ж, если ты умом двинешься. Ты хоть бы психиатров каких поискала... Кролов своих пожалей!

– Ага, понимаю: пришла ты, Клавочка, если честно, вовсе не за деньгами, так ведь? Даня же наверняка оставил столько денег про запас, что не только двух стариков – целый пансионат прокормить можно. Прибежала выяснить, зачем я окна заклеила Татьяне этой?

Отпираться не было смысла, Ирина рассуждала вполне здраво, и Клавдия кинулась в нападение:

– А ты как хотела? Ты мне кто, прохожая какая?! Ты мне – родня! Умная баба, а вытворяешь такое! Вот к чему, скажи на милость, ты с этими окнами влезла?! Прямо стыдно за тебя!

– За меня стыдно?! – уперла руки в бока Ирина.

Иван Павлович, видя такой разворот событий, поспешил срочно ретироваться:

– Вы тут поговорите, а я... мне надо...

– Мусор вынести? – помогла ему Клавдия.

– Точно! – обрадовался тот, схватил ведро и хлопнул дверью.

– Ну и чего?! – снова накинулась на Ирину Клавдия. – Видишь, чего ты добилась? Вы еще до загса не дошли, а мужик уже не знает, куда от тебя бежать. Ох, придется, видно, мне его под свое крыло брать...

Ирина как-то блаженно размякла, потом плюхнулась на стул и по-кошачьи потянулась.

– Да куда он не убежит, не беспокойся. Все потом поймет, да еще и счастлив окажется.

– Да кто ж тебя поймет-то?

– Ой, Клавочка, ну зачем обязательно понимать? – уже лениво отбрехивалась хозяйка. – Зачем понимать? А просто так меня нельзя любить, что ли? Нет, ну всем разъяснения подавай! Вот у меня кролики, я их совсем ни черта не понимаю, но ведь люблю же. Шубки из них... Я не про то. Ну пусть я такая, со странностями, зато потом я все... Ой, времени уже сколько! Побегали, Клава, мне ж надо кошелек найти.

У Клавдии опустились руки.

Конечно же, кошелек они нашли. Он лежал под столиком, за которым мужики в теплые времена распивают пиво, гово-

рят о вечном и прячутся от жен за густыми зарослями акации.

– Ну вот... – деловито подняла кошелек Ирина. – Теперь видишь, что я не сумасшедшая? Так, сколько там? Ого, пять тысяч. Сколько тебе дать?

– Да не надо мне, чего уж там, я и в самом деле не за деньгами... – мямлила Клавдия. – Ты это... кошелек мне только отдай, а? Мой совсем...

– Порвался? Потерялся? Ой, ну сколько врать можно? Прямо врешь и врешь, врешь и врешь! – покачала головой Ирина. – На, бери. Если нюхать его будешь или на зуб пробовать, учти – он в грязи лежал. Все врешь и врешь..

– Ну ты же понимаешь... Ира, нормальные дела так не делаются, – еще раз попыталась вразумить женщину Клавдия. – Нет, если, конечно, для тебя психушка дом родной, то оно понятно...

– Ой, ну с чего ты взяла? Ты прям как мудрая черепаха – все знаешь! Потом ты прозреешь, и тебе станет стыдно. Будешь гундосить: «Ирочка! Я, конечно, идиотка! Я дура набитая». А я прощу. Чего ж не простить, если и правда идиотка... – с обидой проговорила Ирина и повернула к дому.

Клавдия хотела бежать за ней, но сзади послышался сдавленный шепот:

– Клавдия Сидрна... Идите домой и не оглядывайтесь... Не оглядывайтесь, говорю, чего головой вертите! Я за вами пойду...

Клавдия быстро поправила шапочку, пожалела в очередной раз, что ее так вероломно лишили горжетки, и устремилась к дому. По звучному чавканью последнего снега она слышала: Иван Павлович следует за ней.

Когда изрядный кусок пути был пройден, он отважился подойти.

– Клавдия Сидоровна, тут пивная есть... Место – грязнее некуда, но зато теплое. Давайте зайдем, а то я уже весь продрог, – тряся подбородком, проговорил будущий родственник.

Клавдия резко свернула к пивной.

Заведение встретило их шумом, нетрезвыми выкриками посетителей, рыбной вонью и замусоленными клеенками на столах. Иван Павлович брезгливо оглядел стул, прежде чем усесться, а потом махнул рукой, сел и снова закручинился.

– Ну и как вам Ирина? – взглянул он на Клавдию глазами больного спаниеля.

– Хм... ничего определенного сказать не могу... – бубнила Клавдия. – Вот видите кошелек? Она и в самом деле нашла деньги.

Подставлять родственницу ей не хотелось, но было видно, что перед Иваном Павловичем Ирина и сама упрямо продолжала подставляться. Надо было защищать родню.

– Да видел я, как она кошелек нашла...

– Иван Павлович, вы же раньше вышли, так, может, видели, кто этот кошелек положил? – вдруг спросила Клавдия.

– Хм! Если бы я знал, что она деньги возле стола искать станет, я бы туда и смотрел, а так... Я во все стороны головой вертел, а туда даже не оглянулся, – горестно сокрушался жених.

– Вы знаете, я вот с ней беседовала, очень неглупые мысли Ирочка выдает! Вы же сами слышали – и секту она не приветствует, значит, эта графа отпадает, и всякие книжки с магией тоже, и про разум так душевно говорит...

– Ну а что же тогда? – требовательно уставился на собеседницу Иван Павлович.

– Может, и правда – предсвадебный синдром?.. Надо поискать где-нибудь в медицинских справочниках про него...

– Да какие там справочники! Вы знаете, что она сделала вчера? Вчера днем она накупила кукол! Вы не видели? У нас сейчас в комнате две штуки сидят. Две! А вообще-то она три покупала.

– И вы всерьез обеспокоены, что Ирина решила сразу же завести ребенка? Девочку?

– Господи, если бы... Третью куклу она полночи расстреливала из пистолета. А потом с балкона выкинула. И главное, меня нисколько не боится, смеется еще!

– А пистолет-то у нее откуда? – испуганно схватилась за щеки Клавдия. – Это же статья!

– Да никакая не статья, – отмахнулся несчастный мужчина. – Пистолет тоже игрушечный...

– Ну хоть так... И чего вы всполошились? Может, она про

войну вспомнила... Или свое плохое настроение расстреливает... Я читала, у японцев тире специальные есть: они там фотографии своих начальников выставляют, а потом палят по ним из всех стволов. Зато на следующий день на работу как на праздник бегут. Глупые, думают, начальник их испугался! Ты им что хочешь говори – они только скалятся, и все. А вечером в тир и твою фотографию на мишень. Ирочка у нас дама прогрессивная. Как из деревни выбралась, так к жизни только с научной точки подходит, вот и начиталась, наверное. Зато я сегодня заметила: она такая счастливая! А у самой забот полон рот – кролики без витаминов, производитель в дом просится...

Иван Павлович задумался. Клавдия была убедительна, и он уже почти пожалел, что погорячился, наговорил на невесту лишнего. Но опомнился, вспомнив еще одну Ирину странность.

– А сами говорили – соседке зачем-то окна залепила...

– Ой, я вас умоляю... – подарила ему Клавдия улыбку Джоконды. – Вы бы видели ту соседку! Ей не окна, ей бы рот чем-нибудь залепить. Она же точно банный лист, честное слово. Она как Ирину к себе уволокла, та небось не знала, как выкрутиться. И ведь Татьяна еще раз ее пригласила! Вот Ирина и придумала, как отвадить назойливую даму. Потом, учтите, Ирочка собирается замуж, и вполне понятно, что она оберегает вас от лишних незамужних дам. Ах, вы не представляете, она у нас такая выдумщица!

У Ивана Павловича разгладились морщины на лбу, ему заметно полегчало.

– Вы в самом деле так думаете? А то я уже хотел обратно заявление...

– Да что вы! Ирочка – совершенно загадочная женщина! Ха, подумаешь – куклу расстреляла... Я же вам повторяю: она абсолютно безвредна.

Они говорили еще недолго, и все это время Клавдия упрямо уговаривала жениха от невесты не отказываться, а разуть глаза и увидеть, наконец, какое сокровище он обрел. Вернее, обретет, когда сводит Ирину Адамовну в загс.

Жених выбежал из пивнушки с горящими глазами, зато Клавдия вернулась домой, точно выжатый лимон.

Навстречу ей немедленно выскочила свекровь и возмущенно затрясла овечьими кудряшками.

– Клавдия! Немедленно отвечай! Где ты столько времени провела без супруга и куда подевала ведро? Мы тебя столько ждали!

– Мамаша, что это вас понесло? – недобро уставилась на нее Клавдия. – Вы что, уже ужин приготовили? Нет? Тогда не понимаю, зачем меня ждали?

Сбитая с мысли Катерина Михайловна долго хлопала накрашенными веками, потом мило поинтересовалась:

– А разве не ты должна была... ужин?

– Да что вы в самом деле? Когда это я готовила?! А, кстати, скажите Акакию, если кушать захотите, – он с удоволь-

ствием порадует нас манной кашей.

Акакий не хотел потеть у плиты, поэтому быстренько взял под локоток супругу и бережно повел ее в спальню.

– Клава, я вот чего подумал... Маменька, ну что вы рот-то открыли, прям неудобно за вас! – шикнул на мать Акакий и повел жену дальше. – Клавдия, я все про Ирину думаю... Надо, наверное, показать ее психологу.

– А... а где ж его найти? Сейчас столько шарлатанов, только деньги драть умеют...

– Клавдия, у меня в страшных потугах родилась мысль: мы к Жоре обратимся! – обрадовался своей умной мысли Акакий Игоревич. – Уж у него точно есть знакомый психолог, я прямо носом чую. А как же – ему и самому иногда требуется, я же вижу!

– Акакий, с психологом ты верно сообразил. Молодец, а то ведь, ты подумай...

Клавдия подробно рассказала супругу и о заклеенных стеклах, и о расстрелянных куклах, и о найденном кошельке. А о несчастном женихе вздыхала долго и со вкусом.

– Теперь ступай, – закончила жена жалобно. – Сообрази ужин. Мне еще надо Жоре позвонить, может, у него и впрямь психолог где завалялся.

Акакий скучно поплелся на кухню, а Клавдия заперла дверь на защелку. Из кармана просторных, как парашют, брюк она достала найденный Ириной кошелек.

Кошелек был совершенно обычным. Из хорошей кожи, но

не новый, местами уже порванный. Деньги из него Ирина, понятное дело, забрала, а больше ничего в нем не оказалось. Ни бумажки, ни клочка, ни обрывка.

– Ну и что мы узнали? – спросила себя Клавдия. – Ясно только, что деньги подбросил кто-то состоятельный. Даже по кошельку это видно. Хотя... Интересно, а зачем кому-то состоятельному приспичило осыпать Ирину деньгами?

Никто, конечно же, ей не ответил. Только Тимка презрительно сощурил янтарные глаза.

Утром Клавдия подскочила от того, что к ней в постель нырнуло что-то холодное и скользкое. Подскочила и услышала:

– Правильно, Клавочка, пора уже подниматься.

Возле нее стояла Катерина Михайловна. В восемь утра старушка была уже в полном параде – накрашенная праздничной помадой Клавдии и благоухающая ее духами. Под одеяло к невестке она протиснула мокрый пятилитровый бидон, тем самым жестоко выкинув несчастную из кровати.

– Клавдия, тебе надо устраивать пробежки, ты перестала следить за своим весом. Сбегай за молочком, Петр Антонович проснется, обязательно молочка попросит. А он пьет только из бочки, то, которое из пакетов, он даже ко рту не поднесет. Поищи не поленись.

Клавдия распахнула очи и вспомнила – теперь она проживает под одной крышей с любимой свекровью и ее супругом.

Женщина скрипнула челюстью и подалась приводить себя в порядок, а свекровь все время толклась рядом.

– Клава, надо поторопиться. И потом тебе совсем не нужно краситься, у тебя еще природная красота не совсем умерла. Вот бери бидончик.

– Мамаша! Дайте сюда бидон, что вы его мне в лицо все время тычете! Вы же видите – у меня там покрашенные глаза! За молоком у нас Кака любит ходить, а я... Прямо как вспомню, сколько дел...

Сегодня обещал прийти Жора и решить вопрос с психологом.

– Клавочка, нам обязательно нужно молоко! – топнула ножкой Катерина Михайловна. – Мы сегодня с Петром Антоновичем наметили выход в зоопарк, а мы еще не завтракали!

– Мамаша! – обрадовалась Клавдия. – Какой завтрак – только зоопарк! Сходите попроведайте далеких предков. Я слышала, туда обезьян привезли.

– Наших? – заинтересовалась старушка. – Отечественных? Тогда они нам не предки. Наша фамилия Распузон ведет начало от французской обезьяны.

– Мамаша! Там, говорят, очаровательная французская гамадрила. Так и чувствую – прямая ваша родня! А за молочком сбегает Акакий. Кака, Кака, вставай немедленно! Ты пропустишь очередь к бочке!

Жора заявился в тот момент, когда старики были спешно собраны в зоопарк, а Клавдия Сидоровна уже нервно поглядывала на часы.

– Я не опоздал?! – радостно улыбался Жора.

В его руках позвякивали полные пакеты. Кажется, он решил довести Клавдию Сидоровну до нервного срыва, не иначе.

– Пакеты в прихожей оставь, – строго скомандовала она. – А то Кака еще выпьет.

Акакий сглотнул слюну и жалобно уставился на Жору. Тот решил взгляда не замечать, деловито нахмурил брови и потрусил на кухню. Все серьезные разговоры у Распузонов велись там. Клавдия уже разлила по маленьким чашкам бледный чай и даже выставила вазочку с ирисками.

– Жора, нам нужен психолог, – торжественно сообщила она. – У нас ЧП.

– Это вы про родственницу? Понимаю, – зачавкал Жора ириской. – А психолог зачем? Может, сразу в психушку ее?

– Нет, я так не могу, – заморгал глазами Акакий Игоревич. – Ирочка... горе-то какое... Позвольте мне пивка... Я сам, пожалуй, возьму...

– Сидеть! Жора, в психушку никогда не поздно, – не согласилась Клавдия. – У меня зародились сомнения: может, Ирина что-то скрывает? Она ведь рассуждает как умная женщина. Но ведет себя, простите, как идиотка!

– А психолог для чего? – не понимал Жора.

– Пусть он узнает – больная она или нет, черт возьми! Ну чего тут непонятного! – не мог спокойно сидеть Акакий. – Давайте уже дерябнем. За Ирочкино здоровье.

Клавдия благополучно предложение не расслышала.

– Опять же, – рассуждала она, – Ирина может и психологу не открыться...

– Тогда к гипнотизеру надо! – заерзал на стуле Акакий Игоревич. – К гипнотизеру, чего тут думать!

– Кака! Ты – умница! – захлопала в ладошки Клавдия. – Жора, налей ему пива. Что тебе, в самом деле, жалко, что ли?

– Я налью, – невесть чему обрадовался гость. – А у меня, между прочим, одна знакомая гипнотизерша имеется!

– Нет, ну как же здорово придумал! – восхищалась Клавдия. – И пусть она обязательно спросит, сама Ирина чудит, или ее научил кто. Зачем ей надо стулья переворачивать?

– Спросит.

– И пусть узнает, как у ней получается деньги находить, нам всем очень любопытно, – подсказал Акакий.

– Да, а еще – зачем куклы. А она сможет, гипнотизерша-то?

– А то! – обиделся Жора. – Она такая... Мы раньше с ней в бараке проживали вместе, я еще тогда маленький был. Баба Фрося! Она с нами через стенку жила. Ее муж, когда еще жив был, каждый раз, как куда собирался, кричал: «Не скажу, куда иду, ты все равно найдешь. Ты ж гипнотизерша, мать твою!» И знаете – мамой вам клянусь! – она его всегда

сама находила.

– Да что ты? – охнула Клавдия. – Вот так прямо везде находила?

– Ну да! Правда, он каждый раз в рюмочную бегал, она у нас через дорогу была. Но ведь баба Фрося откуда-то все равно знала, что мужик ейный туда направится, а не в театр, к примеру, в какой–нибудь.

– Хорошо, Жора, ты завтра притаскиваешь гипнотизершу, а я... – вздохнула Клавдия Сидоровна обреченно, – а я уж попрошу Ирину прийти. Да и стариков мне на себя взять придется, они же любой гипноз на нет сведут.

Акакий Игоревич даже не стал уточнять – чем же именно занимается завтра он, потому как в данный момент он отлучился в прихожую и вытягивал из кармана супружницы свои кровные семьдесят рублей, которые та отыскала в туалете.

– Кака, а ты завтра будешь мозгом операции! – крикнула ему жена, не подозревая об его ответной диверсии. – Ты будешь сидеть дома, выносить мусор, бегать по магазинам, готовить ужин и собирать информацию! Слышишь?

– Слышу, любимая, – с блаженной улыбкой появился тот в дверях. – А сейчас я сбегая в... аптеку, за цитрамоном. Голова от новостей просто раскалывается.

– Никуда не надо бежать, я тебе сейчас виски луком натру, – пообещала Клавдия и рьяно принялась чистить луковицу.

Дабы не терять времени, Жора стал прощаться – торопил-

ся отыскать гипнотизершу бабу Фросю. Акакий безрадно поплелся на диван, и потом долго еще дико орал под ладонями жены и источал луковые миазмы.

Весь вечер Клавдия думала, куда бы на денек отправить погостить родителей, а ближе к ночи вопрос разрешился самым замечательным образом. Уже поздно вечером позвонила Аня, младшая дочка Распузонов, и весело спросила:

– Мама! Завтра у Володи день рождения, вы не забыли? Мы ждем вас к пяти!

У Клавдии Сидоровны немедленно разгорелись глаза – надо было срочно вызвать Ирину к пяти и сообщить Жоре. Ирине она позвонила тут же и нараспев заговорила:

– Ирочка, я тут тебе парикмахера нашла... Помнишь, ты меня про прическу спрашивала... Саша нашла? Нет, опять сделают из тебя чучело, а ты и так-то... А это великолепный мастер, из твоего пуха сообразит любые перья! Нет, по знакомству не очень дорого. Приходи завтра к половине шестого. Только ты уж не опаздывай, а то... Не опаздывай, говорю! До завтра!

Клавдия потерла ладошки и принялась названивать Жоре.

– Клавочка, так сколько, ты говоришь, берет мастер? – подросла Катерина Михайловна.

Они с супругом уже вернулись из путешествия в страну зверей, и теперь она усиленно прослушивала, чем дышит ее младшее поколение.

– Хотя не надо, не говори. Я думаю, Акакий сможет позво-

лить мамочке маленький каприз, – собрала губки клизмочкой старушка.

– Мамаша, вам некогда будет капризничать! Завтра нас приглашают к Володе на день рождения, – отмахнулась Клавдия.

Старушка засуетилась и полезла в шкаф с тряпьем.

– Клавдия, чур, я забираю костюм Акакия для Петра Антоновича! – выкрикнула она из шкафа.

Клавдия спорить не стала, тем более что Акакию наверняка завтра не придется сидеть за праздничным столом.

Жора тоже был поставлен в известность, и Клавдия со спокойной душой намазала лицо простоквашей и уселась перед телевизором смотреть сериал про убийц.

Смотреть все время мешала свекровь.

– Клавочка, а что мы подарим нашему Вольдемару? Подарок должен быть обязательно дорогим и от двух семей – от нас с вами. Только сразу говорю – у нас денег нет.

Клавдия задумалась – подарок действительно нужен. Конечно, женщина хотела дочери не совсем такого мужа – очень уж долго раскручивался, держал всю семью в черном теле и, главное, совершенно не преклонялся перед жизненным опытом самой Клавдии Сидоровны. Куда лучше было бы иметь в зятях Жору. Однако дочь не желала слушать про красавца-бизнесмена, а вовсе даже любила Володю, и родителям приходилось мириться. Тем более что зять, наконец, обрел долгожданный приличный заработок и теперь содер-

жал семью на зависть многим.

– Акакий, вот как ты думаешь, что бы хотелось молодому состоятельному мужчине получить в подарок? – наседала уже на сына матушка.

– Я бы... Я бы, мамочка, хотел себе новенькую кожаную куртку на весну! – расцвел Акакий. – Я уже просто не могу ходить в том пуховичке с красными вставками, который Клавочка мне купила в «Детском мире».

– Кака! Тебя же спросили про молодого состоятельного мужчину! Это к тебе никак не относится! А пуховичок будешь носить, пока до дыр не истреплется. У тебя была приличная куртка, но... Ты помнишь, где ты ее оставил? – встряла Клавдия и снова уселась думать.

Акакию Игоревичу не хотелось вспоминать тот постыдный эпизод. Действительно, куртка была замечательная, ее Даня привез из Австрии, куда ездил в командировку. Но он дал поддержать куртку одной очаровательной женщине, когда сдавал анализы в местной поликлинике, – так Акакий Игоревич хотел поддержать знакомство. Однако, когда он вышел из кабинета врача, – ни куртки, ни, что самое обидное, женщины нигде не было. И вот теперь ему приходилось ходить в детской дешевой курточке, а Клавочка каждый раз напоминает ему про утраченную великолепную одежду.

– Я придумала! – отвлекла супруга от воспоминаний Клавдия. – Мы подарим Володе сердечный концерт! Петр Антонович, вы, я слышала, чудно стихи читаете. Вот и про-

чтете что-нибудь из детства – «Мишку бросили... зайку бросили...», ну что-то в этом духе. А вы, мамаша, споете.

– Но я...

– Или тогда пляшите. Да, лучше спляшите, а то вы так поете, извиняюсь, коты от завистидохнут. Самое главное, деньги сэкономим, а то у нас в этом месяце как-то туго с деньгами, – Клавдия распорядилась и ушла в спальню.

Надо было придумать, как бы пораньше сбежать с дня рождения, чтобы успеть на сеанс гипноза с Ириной.

На следующий день с самого утра позвонил Жора и сообщил, что с гипнотизершей ему удалось договориться. И в пять ровно он прибудет к Распузонам вместе с ней.

– Жорочка! Только вы без меня сеанс не начинайте, я к шести постараюсь вырваться...

К шести вырваться не удалось. К дочери Клавдия Сидорова с сопровождающими лицами прибыла ровно в пять.

– Мам, а папа где? – встретила их Аня.

– Сегодня папа не подойдет, просил так поздравить. Начнем уже без него, он гастритом мается, – скорбно сквасилась Клавдия.

Катерина Михайловна не была посвящена в планы сыщиков, поэтому решила внучке наябедничать:

– И ничего он не мается. Просто ты сказала, что он уже месячную норму спиртного вылакал, я слышала...

– Мамаша, вас уже за стол звали! А говорите – слух у

вас... Анечка, ты же знаешь, у бабушки ни слуха, ни голоса... один только язык!

– Да я, Клавочка, только интересуюсь, куда садиться...

– Где удобнее, – улыбнулась Аня. – Дорогие гости, прошу к столу, папу ждать не будем.

– Петр, вперед! Ближе к мясной нарезке места забивай, – проснулся в старушке командный глас, и она устремилась к угощениям.

Гости были уже в сборе, и поздравления начались. Клавдия хотела поздравить первой, чтобы можно было спокойно покинуть праздник, сославшись на головную боль. Не вышло. Эти самые сопровождающие лица, то есть Катерина Михайловна и Петр Антонович, никак не хотели выступать на трезвую голову.

– А сейчас наш подарок! – возвестила Клавдия.

– Нет-нет, Клавочка, я еще не готов, – девицей краснел Петр Антонович. – Не могу кураж поймать...

Через полчаса Клавдия попытку повторила:

– Наш подарок, дорогие гости!

– Клавочка, но так нельзя. Во мне еще не проснулся артист!

– И снова – подарок! – настойчиво прорычала Клавдия, когда уже лопнуло терпение. – Володя, мы тебе дарим самое дорогое – детство! То есть сейчас Катерина Михайловна и Петр Антонович напомнят тебе времена, когда ты был еще мальчиком. Петр Антонович, начинайте!

Теперь Петр Антонович уже перебрал. Кто-то в нем явно проснулся, но точно не артист. Он встал и сказал простенько:

– Володя... Вовка... Вовка-морковка... внук... Я, конечно, могу тебе прочитать стих про зайку... А Катерина споеет «В лесу родилась елочка», потому что плясать она уже никак... Но, Володя, признайся, тебе оно нужно? Какой это, к черту, подарок, правда?

Клавдия пылала от гнева, точно доменная печь, – выходит, они заявили и вовсе без подарка!

– Я предлагаю, – продолжал Петр Антонович, размахивая рюмкой. – Я предлагаю... выпить!

– Подарок... – зашипела Клавдия.

– Ага! Тогда предлагаю тебе, Вован, самому выбрать от нас подарок. Вот так вот завтра пойдешь в магазин, выбери себе самую дорогую вещь и купи! Это от нас!

– А деньги? – пискнул кто-то из гостей.

– При чем здесь деньги? Что, у него денег нет? – обиделась Катерина Михайловна за именинника. – Володя, иди и купи! И главное, не экономь, ни в чем себе не отказывай! Ты же знаешь, мы никогда не скупимся!

Под бурные аплодисменты Петр Антонович уселся на место, а Клавдия передохнула. Что ж, старик достойно выкрутился. И главное, подарок может получиться дорогой, и для семьи не накладно. Теперь и уйти можно. Только тихонько, чтобы старички следом не потянулись...

В это время в доме Распузонов с треском проваливался сеанс гипноза. Нет, Жора доставил бабу Фросю в цельности и сохранности. Причем умудрился не опоздать. Акакий Иго-ревич, со своей стороны, тоже приложил массу усилий – протер везде пыль и даже расчесал Тимку на прямой пробор.

Баба Фрося оказалась женщиной весьма раскрепощенной – немедленно попросила портвейна для процедуры гипноза и сушеной трески, скинула с себя грязную фуфайку, кой-какую другую одежонку и, напевая себе под нос что-то лирическое, отправилась в ванную. Как она сообщила – принять душ.

– Жора, а у нее что, дома душа нет? – удивлялся Акакий такой подготовке.

– Да есть, наверное... кто ее знает... – пожимал плечами Жора. – Ну так ведь она как хирург. Там тоже обязательно мыться требуется.

– Ну да... Сразу видно – сильный специалист...

Пока ждали Ирину, Жора успел сгонять в ларек и купить портвейна. Он даже что-то изобразил на столе из закуски, и бабу Фросю из ванны сразу повел к столу. Та раздумянулась, сладко жмурила глазки и блаженно куталась в новый банный халат Клавдии Сидоровны.

– Дык чаво хотели-то? – в сотый раз уточняла женщина, опрокидывая уже который стаканчик.

– Вам надо загипнотизировать женщину. Она замуж со-

бралась, и от счастья у нее завихрения в голове случились. Вот и надо выяснить, сама она головой мучается или надомил кто, – терпеливо разъяснял Жора. – Потому что из-за тех завихрений ее замуж могут не взять. Помочь женщине надо. Ее надо усыпить и приказать, чтобы она все вспомнила и рассказала.

– Про деньги! Про деньги пусть узнает! – суетился Акакий.

– Ага, про деньги узнать, – повторила бабушка. – А когда деньги отдашь? Да ты не ори мне в самое-то ухо, слышу я. Токо опять не уяснила – чаво надо-то?..

Ирина Адамовна заявила не сразу. Она позвонила в дверь, когда бутылочка портвейна была со вкусом распита гипнотизершей, а мужчины уже начали нервно выглядывать в окно.

– Акакий Игоревич! Вы только подумайте! – скинула Ирина шубку и принялась прихорашиваться возле зеркала в прихожей. – Еле добралась – гололед...

– Да вы проходите, в комнату идите, – заманивал Акакий, странно улыбаясь и пятясь.

– Так я и говорю – я чуть в «мерс» не врезалась. Вы не помните про страховку, мне деньги выплатят, если я врежусь? Или только когда в меня? А где Клавдия? Она мне мастера обещала... Ой, а этот чего здесь? – ткнула она наманикюренным пальчиком в Жору.

Она еще живо помнила, как Клавдия ввалилась к ней до-

мой с этим странным молодым человеком, который облизал Ирине все двери, за что Клавдия хотела сдать его психиатрам.

– Будет вам мастер! – во весь рот скалился Жора. – Самого высшего класса!

– А вы чего в психушке не остались? Вы же именно туда собирались с Клавдией Сидоровной. Сбежали, что ли? – напрямик спросила Ирина у Георгия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.